

МИР

ТРУД

СВОБОДА

РАВЕНСТВО

СЧАСТЬЕ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 42 (1791)

15 ОКТЯБРЯ 1961

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Не знаю слов сильнее

Александр ПРОКОФЬЕВ

Партия! Знамена, пламенея,
Там стоят, где подняла их ты.
Партия! Не знаю слов сильнее,
Чем твои, что пламенней мечты!

Вот земля. Лишь ты не дашь стареть ей,
Дашь цветы ей без военных гроз.
Партия! Ты смотришь в глубь столетий!
Это я, ликуя, произнес.

Встанет мир, какого не бывало,
В гордой, несказанной красоте.
Устремлен наш взгляд за перевалы,
За высоты, к новой высоте.

Мы за все в ответе на планете.
Бури взлет по всем материкам,
И твои слова, как звезды, светят
Всюду поколеньям и векам.

НА ВЕЛИКОМ ПЕРЕВАЛЕ

А. СОФРОНОВ

Над старым Кремлем в эти дни в ясном осеннем небе, как и всегда, широко вьется красный государственный флаг Советского Союза. Сюда, к древним кремлевским стенам, где 17 октября откроется XXII съезд КПСС, сейчас обращены взоры всего человечества.

«Коммунизм выполняет историческую миссию избавления всех людей от социального неравенства, от всех форм угнетения и эксплуатации, от ужасов войны и утверждает на земле МИР, ТРУД, СВОБОДУ, РАВЕНСТВО и СЧАСТЬЕ всех народов».

Эти слова из проекта Программы Коммунистической партии Советского Союза потрясают человеческие сердца, вызывают радостные мечты и надежды.

Мир, Труд, Свобода, Равенство и Счастье! Что может быть ближе для человека, где бы он ни жил, — среди русских равнин или кавказских предгорий, в горных селениях Таджикистана или на берегу суровой Прибалтики, под знойным африканским небом или на землях Азии...

Не случайно таким уважением и любовью пользуется Советское государство у народов всего земного шара. Под водительством великого

Ленина впервые в мире на нашей земле были сброшены оковы рабства, мы пошли трудной дорогой строительства социализма, зовя за собой к свободе и счастью людей всей планеты.

Некоторые капиталистические страны привыкли быть первыми, привыкли свысока смотреть на остальные страны. Эти страны строили здание своей капиталистической экономики на военных спекуляциях, на варварской эксплуатации колониальных народов. Им казалось, что это все прочно и навсегда. И вот эти страны одна за другой остаются позади.

Они привыкли смотреть на нас свысока, но мы лишили их этого преимущества: одних мы догнали, других перегнали. Это сегодня, а завтра наша страна перегонит по всем показателям и Соединенные Штаты Америки. Они привыкли командовать, но это было вчера; они пытаются это делать еще и сегодня, но из этого уже ничего не получается. Не то время!

Разные люди живут на земле, и по-разному они смотрят на будущее. Не все они исповедуют коммунистические идеи, многие ищут свои пути к будущему, по-своему представляя дальнейшее развитие человечества. Пусть это будет так. История, которая все эти годы подтверждала правоту идей марксизма-ленинизма, покажет подлинно правильные пути. Но и они, эти люди, во всяком случае многие из них, приветствуют победу социализма. Известный английский публицист, член английского парламента Кони Зиллиакус говорил автору этих строк:

— Мы радуемся публикации проекта Программы Коммунистической партии, ибо и практика жизни советского народа и сама Программа говорят о том, что социализм побеждает капитализм.

Народы всего мира знают благородную ленинскую политику нашего правительства и Коммунистической партии Советского Союза, политику, направленную на сохранение мира, политику, осуждающую войну. Поэтому, как бы ни старались извратить буржуазные публицисты эту политику, самые разные люди, в том числе и те, кто далек от коммунизма, поддерживают советский народ в его борьбе за мир. И не случайно мэр французского города Дижона каноник Кир говорил: «Я очень люблю вашу страну, героизм русских людей. Мое сердце всегда с вами. Я об этом говорил господину Хрущеву. Я много думал о его роли в мире. Она огромна. Мне он напоминает машиниста, который ведет поезд. В этом поезде много пассажиров, и все они разные. Но поезд должен идти. И невозможно ожидать, чтобы все пассажиры были одного мнения. Если заняться поименным опросом, поезд никогда не уйдет. Машинист должен вести поезд. Я всегда буду с господином Хрущевым рука об руку в его борьбе за мир».

Да, только так! Правда — наша советская коммунистическая правда шагает по миру, захватывая в свою орбиту все большее число людей на всех континентах земного шара.

А до чего же красива в осеннем цветении наша страна!

XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза собирается в золотую осеннюю пору. Со всех сторон в адрес Центрального Комитета партии и Советского правительства идут рапорты, сообщения о выполнении предсъездовских обязательств. Весь народ в едином трудовом порыве встречает славными делами съезд родной Коммунистической партии.

В эти дни мы окидываем мысленно все совершенное нами за последние годы после Двадцатого съезда партии. Как преображается наша страна и уже сегодня рождается коммунистическая новь! Будущее рядом с нами, коммунизм творят наши современники.

...Посмотрите на цветную вкладку этого номера журнала, на светлые лица молодых рабочих и работниц, инженеров и техников с 1-го Государственного подшипникового завода в Москве. Их семеро, радостно шагающих навстречу будущему. Они олицетворяют молодость нашей страны. Это во имя их счастья боролись ветераны коммунистической гвардии, представители которых, выступая сегодня на страницах журнала, рассказывают, каким трудным путем утверждались на нашей земле МИР, ТРУД, СВОБОДА, РАВЕНСТВО и СЧАСТЬЕ.

Семеро молодых! Им строить новую жизнь, им жить при коммунизме. Римма Васильева — инженер, исследователь, это она нашла новую марку стали... Валерий Викторов — недавний летчик, а ныне конструктор, он работает и учится в вечернем институте... Алексей Кузнецов — бессменный комсорг, властелин четырех умнейших машин в цехе-автомате... Нина Булыгина — техник из отдела главного металлурга...

Они родились в прекрасной Советской стране, и труд их радостен, свободен. Они войдут в коммунизм не как сторонние наблюдатели, а как строители, складывающие великое здание по кирпичу, этаж за этажом. И, глядя на них, люди старшего поколения невольно вспоминают и свою жизнь.

Многое познается в сравнении. Память наша, может быть, особенно хороша и тем, что сохраняет мельчайшие подробности того, что БЫЛО, и дает нам возможность сравнить с тем, что ЕСТЬ, что существует сейчас. Помнится мне, как восемнадцатилетним юношей пришел я на строительство завода сельхозмашин в Ростове-на-Дону, как получил свои первые рабочие рукавицы, первую спецовку, как махал молотом, выравнивая тавровые балки, как приезжал к нам на строительство Алексей Максимович Горький, поднимался на маленький деревянный помост и в ответ на наши просьбы рассказать о себе, вытирая слезы, говорил: «Вы расскажите, вы... Вы — строители нового общества».

Какое это, кажется, было далекое время! Более трех десятилетий назад. А сейчас завод, возродившийся из пепла после фашистской оккупации, уверенно движется вперед, ежедневно выпуская с конвейера в среднем 250 комбайнов. Когда-то мы в 1932 году делали первые свои родные советские комбайны, выполняли первый заказ — 1 700 машин. С той поры за все эти годы выпущено более 400 тысяч комбайнов! С одного завода!

Это и есть могучий шаг людей, строящих коммунистическое общество. Об этом думается постоянно, об этом думалось недавно и на Волге, когда вошла в строй действующих самая мощная в мире гидроэлектростанция — Волжская ГЭС имени XXII съезда КПСС. С вершин ее железобетонных устоев как бы виделись степи и поля, по которым широкими волнами от Сталинградского моря, от могучей русской реки, от мощных турбин шли волны электроэнергии, могучая сила построения коммунизма. На теплоходе мы видели Никиту Сергеевича Хрущева, который, следя внимательным взглядом за берегами, указав на одно из сел, спросил:

— Это Дубовка?

Да, это была Дубовка, здесь во время битвы за Сталинград была переправа. Вспомнил Никита Сергеевич эту Дубовку потому, что здесь он был во время боев за Сталинград. А теперь здесь мир, огни электростанции, новый красивый город, как символ будущего, поднявшийся над крутым волжским берегом.

Все новые сводки поступают, все новые сообщения — с Братской, с Воткинской ГЭС... Стройки, стройки, стройки! Так идет страна навстречу XXII съезду партии, так трудится повитый по утрам красноватыми дымами, морозный, в снежном блеске, седой Урал. И если Кубань в эти дни еще в золоте осени и на днепровский берег летят багряные листья киевских каштанов, то Урал уже в первом снегу.

Мы были незадолго до открытия съезда партии в Нижнем Тагиле. Сталевары с гордостью говорили нам: «Наш друг Анатолий Дмитриевич Морогов, Герой Социалистического Труда, зачинатель движения комплексных планов, избран делегатом XXII съезда партии». Секретарь Нижне-Тагильского горкома партии Виталий Иванович Довгопол рассказывал:

— Нижний Тагил после Двадцатого съезда партии почти вдвое увеличил свою продукцию. А первый цех Нижне-Тагильского металлургического комбината по съему стали занял первое место в Советском Союзе.

В парткоме «Уралвагонзавода» секретарь парткома Иван Владимирович Хромов в эти дни вручал партийные билеты молодым коммунистам. Среди них был мастер Михаил Дмитриевич Митрофанов. Вручая ему билет, Хромов сказал:

— Смелее будьте, инициативнее. Вы теперь коммунист!

Духом новаторства, смелой инициативы проникнуты ныне дела советских людей, где бы ни трудились они в эти знаменательные предсъездовские дни.

Недавно я был на Кубани, на тех самых землях, на которых в годы Отечественной войны лежали разбитые станицы и села. Сейчас Кубань другая. Иногда даже удивляешься: до чего ровно, как бы с плакатной

ДРУЗЬЯ, СОРАТНИКИ, БРАТЬЯ

Радостными улыбками, крепкими рукопожатиями, словами большой дружбы, идущими от самого сердца, встречали труженики Германской Демократической Республики партийно-правительственную делегацию Советского Союза во главе с членом Президиума Центрального Комитета КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР А. И. Микояном. Делегация присутствовала в Берлине на торжествах, посвященных 12-летию первого в истории Германии рабоче-крестьянского государства, совершила поездку по стране.

Выступая на митинге в Берлине, товарищ Микоян подчеркнул: «Пусть трудящиеся Германской Демократической Республики будут уверены в том, что в лице Советского Союза вы всегда имеете самого верного друга и союзника. Можете всегда рассчитывать на нашу помощь и поддержку».

Бурей оваций в честь Советского Союза и его ленинской партии, в честь нерушимой братской дружбы народов СССР и ГДР приветствовали эти слова участники митинга.

→ Трудящиеся ГДР оказали исключительно сердечный прием посланцам советского народа — партийно-правительственной делегации, возглавляемой А. И. Микояном. Так выглядели улицы Берлина, по которым проезжали советские гости.

↓ Митинг на площади Маркса—Энгельса в Берлине, посвященный 12-й годовщине со дня провозглашения Германской Демократической Республики. На трибуне — товарищи А. И. Микоян и Вальтер Ульбрихт.

Снимки получены от журнала «Фрейе вельт».

точностью вырисовываются пейзаж, новые строения, молодые тополя, особенно красивые в осеннюю пору. Плакаты, как известно, приглаживают все неровности, но не о них речь.

Я был в колхозе имени Кирова, в станице Платнировской, беседовал с председателем колхоза, делегатом XXII съезда партии, Трофимом Кирилловичем Третьяковым. Этот уже далеко не молодой человек был занят тем, что подсчитывал, сколько колхоз даст в среднем по валу зерновых. Читая обязательства председателя украинского колхоза имени Сталина Василия Михайловича Кавуна, Третьяков спрашивал:

— Кавун дал тридцать восемь, а как мы?

Раздумье было в глазах Трофима Кирилловича.

— Урожаи? Урожая нельзя ожидать. Этот год был трудным для нас, но мы неплохо вышли из положения, неплохо потому, что удобряли почву, потому что занимаемся этим с каждым годом все больше и больше. Урожайные годы надо делать. Делать их, а не ожидать...

Я спрашиваю, какие важные, на его взгляд, явления произошли за последние годы в станице, в той самой станице, где он когда-то еще батрачил у кулаков.

— Главное — это то, что после январского Пленума ЦК партии, после зональных совещаний по сельскому хозяйству, где выступал Никита Сергеевич, особенно ясно стало — и руководителям и рядовым колхозникам,— что жить текучкой больше нельзя. Урожай надо делать,— в который раз повторяет Третьяков. — Мы раньше строили планы, чтобы полегче было. Когда-то, в 1950 году, специально попросили ученых из Краснодара, чтобы они спланировали нам развитие животноводства по колхозу. Ученые из сельскохозяйственного института дальше 900 коров на весь колхоз и не замахивались. Из этого расчета и строили тогда фермы — три фермы по триста коров на каждую. Но сейчас у нас уже две тысячи семьсот коров, а думаем мы о том, что через два года их будет около четырех тысяч. Когда-то считали, что если у нас восемьдесят центнеров молока на сто гектаров — это уже хорошо, а сейчас у нас двести семьдесят, и мы считаем, что это мало. Когда-то мы убирали кукурузу уже по снегу, до января месяца, а в этом году убрали по графику за восемнадцать дней, все до последнего зернышка. Теперь занимаемся свеклой. Урожай надо делать, а не ожидать...

Колхоз имени Кирова приходит к съезду партии с хорошими, добрыми делами. Это один из передовых колхозов Кубани. Но в словах Третьякова нет ни малейшей успокоенности: огромное количество проблем. Колхозу нужны самолеты для того, чтобы удобрять посевы с воздуха; не решены вопросы кредитования. Надо много строить, прокладывать дороги. Да разве можно перечислить все заботы председателя?! Но вдруг глаза Третьякова светлеют: он вспоминает о том, как недавно открывали детский сад в колхозе:

— Дом построили хороший, городского типа, а местности наши, вы видите сами, получше городских. И вот уже все готово, и в детский сад пришли дети. Перед тем, как ехать на поля, матери были свидетелями, как девочка перерезала ленточку. Женщины заплакали. Да, это было счастье!

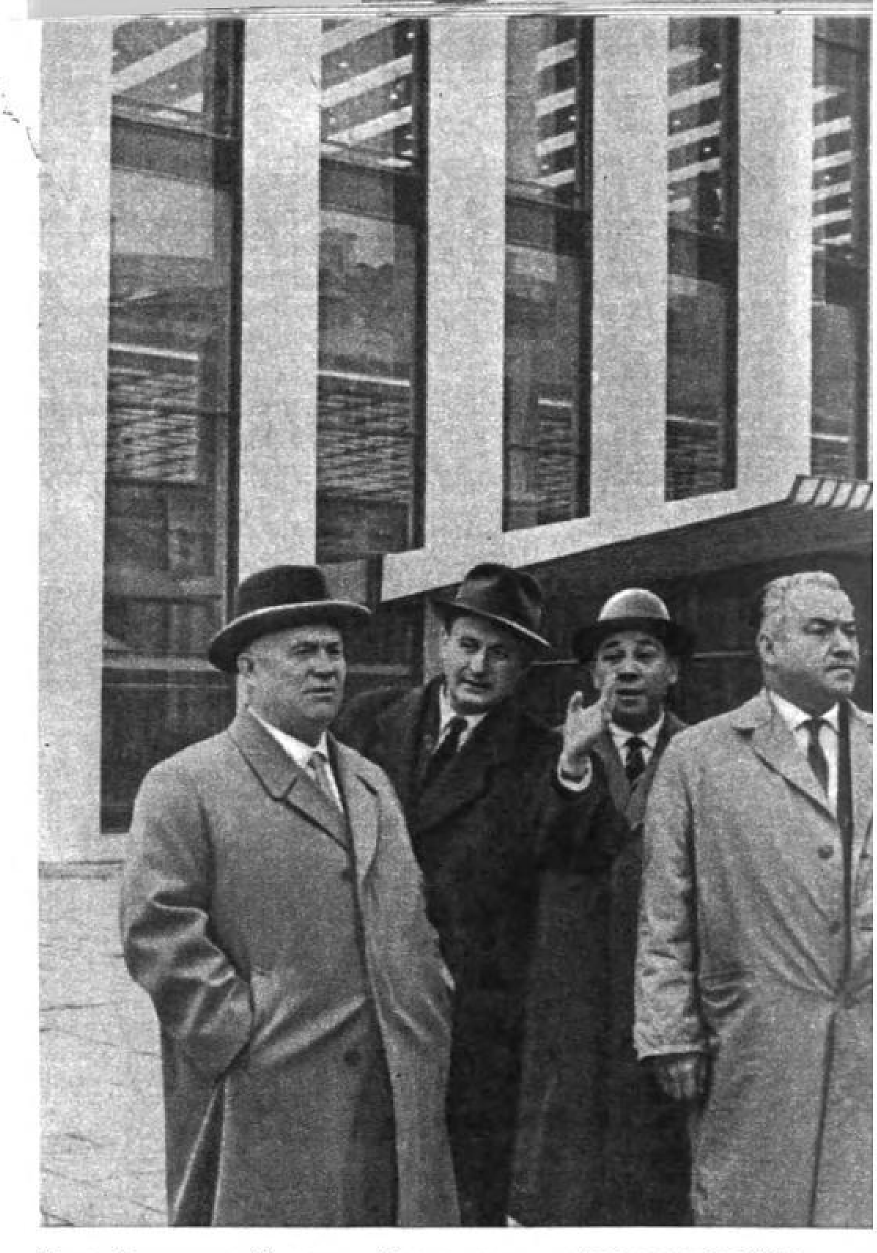
...В этом году в мае стояли мы у подножия памятника Тарасу Шевченко в Каневе и слышали, как могуче гремели шевченковские песни над днепровским берегом. А бессмертный Тарас с гранитного пьедестала как бы оглядывал родные свои просторы и как бы вечно незакрывающимся оком примечал всю ту жизнь, о которой мечтал и которая здесь пришла к нему сейчас яркими картинами народного счастья.

...Цветет Украина, цветет Белоруссия,— это можно увидеть на улицах Минска, в новом, чудесном городе, в столице когда-то нищей Белоруссии, ныне ставшей могучей индустриальной. Растут и крепнут все наши республики.

* * *

...Над старым Московским Кремлем вьется красное знамя. Смотришь на него — и кажется, что и оно и рубиновые кремлевские звезды осенены громогласным полетом космических кораблей, ведомых Юрием Гагариным и Германом Титовым. Родина наша в движении, Родина в борьбе, в могучем строительстве коммунизма. Со всех концов мира обращены сегодня взоры к Кремлю. Со всех концов мира видны слова проекта Программы Коммунистической партии: «МИР, ТРУД, СВОБОДА, РАВЕНСТВО и СЧАСТЬЕ».

7 октября здание Большого Кремлевского театра осмотрел Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР **Н. С. Хрущев.** Н а с н и м к е: **Н. С. Хрущев** беседует с руководителями строительства.

Фото С. Раскина.

Для Большого Кремлевского театра

Г. СЕМЕНОВ, главный инженер Электростальского завода тяжелого машиностроения

В замечательном архитектурном ансамбле Московского Кремля выросло новое здание — Большой Кремлевский театр. Много необычного и интересного в этом здании, построенном, как говорится, по последнему слову техники. Одно из его «чудес» — сцена. Откровенно говоря, даже как-то странно называть привычным словом «сцена» огромную плоскость, состоящую из множества отдельных площадок, способных подниматься, опускаться, исчезать, вновь появляться, выстраиваться в сложные композиции. Механизмы, которые управляют всей этой сложной системой, изготовлены на нашем заводе.

От зрительного зала сцену отделяет металлический занавес, украшенный барельефом Ленина. Длина занавеса — 34 метра, высота — 14 метров, вес — 75 тонн. Авансцена состоит из восьми площадок. Когда нужно, они могут опускаться вниз, образуя оркестровую «яму». Сама же сцена разделена на шестнадцать подвижных площадок. Поверх шести из них расположен вращающийся круг диаметром 17 метров. Позади круга, на арьерсцене, установлены два сейфа для хранения декораций. Каждый сейф весит 17 тонн.

Особенно интересна оригинальная «фура президиума» — специальная платформа, на которой смонтированы стол, стулья, трибуна. В обычное время она хранится под полом зрительного зала. А в тот момент, когда президиум съезда или совещания должен занять свои места, фура выезжает и устанавливается перед сценой, на одном уровне со зрительным залом.

Снимки Большого Кремлевского театра см. на последней странице обложки.

Она создавалась не день и не год — сорок четыре пламенных года прошли боевой чредой. Ее писал великий народ, ведомый великой партией.

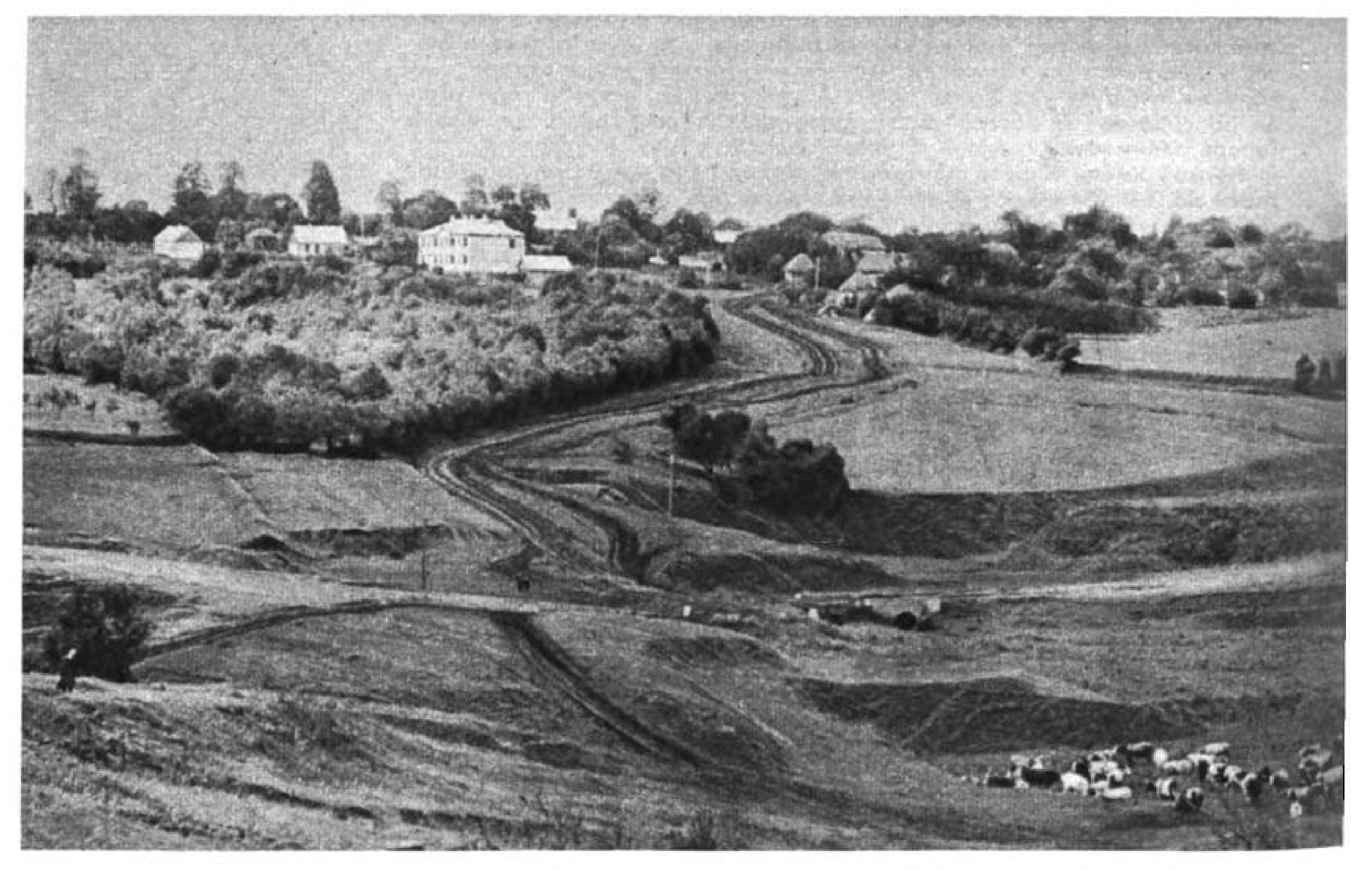
Биография эпохи!.. Она — в штурме Зимнего и в славе рабочих отрядов, громивших интервентов. Она — в бессонных ночах комиссаров, восстанавливавших разрушенное хозяйство страны, и в первой борозде на первой колхозной ниве, в славе героев Великой Отечественной войны и в подвигах героев семилетки. Она — во всей нашей жизни, в том, что есть, и в том, что будет.

Мы привыкли к большим свершениям. Многое, достигнутое ныне, уже не удивляет нас, а между тем оно достойно восхищения. Стоит лишь сравнить первые страницы многотомной биографии эпохи с теми, что пишутся сегодня, пишутся на заводах, фабриках, стройках, в лабораториях ученых, на полях колхозов и совхозов.

БИОГРАФ

Есть что вспомнить Ивану Федоровичу Варичеву и Петру Ивановичу Милюкову.

Вот она, новосильская земля!

НОВОСИЛЬСКИЕ МИЛЛИОНЫ

П. И. МИЛЮКОВ,
делегат VIII съезда партии,
член КПСС с 1917 года

Март 1919 года... Не забыть мне этот голодный и холодный март второй советской весны. К Волге рвется Колчак, на Дону орудуют Краснов и Мамонтов. Центр России оторван от сырья, топлива и продовольствия, простаивают заводы и фабрики. А в Москве похороны, в трауре Дом союзов. Окруженные толпами горожан, мы, делегаты VIII съезда партии, в канун его открытия провожаем в последний путь Я. М. Свердлова.

А на следующий день в Кремле в круглоколонном зале, который назвали «Свердловским», открывается съезд.

Неуютно, нетоплено в Кремле. Поеживаются в пальто и плохоньких солдатских шинелишках делегаты. Но вот В. И. Ленин выступает по проекту Программы партии, проекту построения бесклассового социалистического общества, и нам становится теплее, и уже виднеются необозримые светлые дали.

На повестке дня стоял и вопрос о крестьянстве, точнее, о середняке. Назревал и уже назрел переход от нейтрализации середняка к прочному союзу с ним рабочего класса. Мне особенно было близко все это потому, что я приехал на съезд из земледельческого уезда Центральной России. Поэтому на съезде, кроме пленумов, я работал главным образом в аграрной секции. Как только пленарные заседания кончались, делегаты сразу же устремлялись к столу президиума, где обычно задерживался Ленин. Как-то удалось протолкаться к нему поближе и мне. Владимир Ильич беседовал с нами и вдруг, обернувшись, спросил:

— А вы откуда, товарищ?

— Из Новосильского уезда,— ответил я.

— Тульской губернии, значит,— уточнил Ильич.— А как у вас с середняком? Не делаете ошибок? Ведь это очень важно — отличить кулака от середняка.

Ленин подробно расспрашивал меня, удалось ли в уезде втянуть середняков в работу волостных и сельских Советов, просил вспомнить фамилию того или иного крестьянина, недовольного чем-либо, размеры его хозяйства.

...Кончился VIII съезд партии, и делегаты разъехались по местам. Я тоже вернулся в Новосиль. Собрали мы в зале училища, тоже нетопленном, партийных и советских работников со всех волостей. При свете керосиновых ламп до глубокой ночи читали Программу партии и резолюцию «Об отношении к среднему крестьянству», которые я привез из Москвы. Читали и тут же намечали, что надо делать.

Для укрепления Советов мы послали в волости лучших коммунистов — Шепелева, Гончарова, Щукина, Варичева... Коммунистов отправили и на заготовки продуктов. Работа эта была опасной. Бундурина, например, моего предшественника в Новосильском уезде (я приехал сюда уполномоченным Губкома, а потом уже избрали меня председателем уездного комитета партии), убили кулаки. Большую работу по сплочению

Редакция обратилась к живым свидетелям и участникам событий незабываемой поры рождения и укрепления нашего государства.

Корреспонденты «Огонька» задали трем старым коммунистам два вопроса:

— ГДЕ ВЫ БЫЛИ, ЧТО ДЕЛАЛИ В 1919 ГОДУ, КОГДА VIII СЪЕЗД ПАРТИИ ПРИНИМАЛ ВТОРУЮ ПРОГРАММУ ПАРТИИ?

— КАКИЕ ПЕРЕМЕНЫ ПРОИЗОШЛИ В ТЕХ МЕСТАХ ЗА МИНУВШИЕ ГОДЫ?

Случилось так, что все трое давным-давно уже не были в тех местах, где прошла их революционная молодость. И тогда решено было послать наших корреспондентов вместе со старыми коммунистами, чтобы побывать там, где сорок два года назад застал их исторический VIII съезд партии.

О том, что они увидели, рассказывается в этом номере.

ИЯ ЭПОХИ

Будущее Новосиля принадлежит им! Справа от П. И. Милюкова — Галя Шепелева.

крестьян проводили мы в Голуни, бывшем имении князя Голицына.

Как ни трудно было нам в ту осень 1919 года, наш уезд все же послал голодающей Москве около миллиона пудов разных продуктов: ржи, проса, картофеля, ячменя, овса, мяса... Это был тяжелый, давшийся нам с боем новосильский миллион, добытый при помощи сохи и серпа.

Хорошо помню еще один эпизод того периода. В нашем уезде находилась Шатиловская опытная станция. Владимир Ильич Ленин с самого начала уделял ей большое внимание. Приезжала туда от Наркомзема М. В. Фофанова. Помню, интересовалась она, в частности, и шатиловским овсом. Набрали мы с ней тогда фунтов пятнадцать — двадцать сортовых семян этого замечательного овса, и М. В. Фофанова бережно увезла их в Москву.

...В октябре к Орлу подошел Деникин. Только пять дней Новосиль был в руках врага. Мы быстро выжили его оттуда.

Вскоре после этих событий Тульский губком отозвал меня из уезда на другую партийную работу. С тех пор мне так и не довелось побывать в Новосиле, потому и не могу ответить на ваш второй вопрос — рассказать о переменах в тех местах. А поехать туда?.. Что ж, поедем...

☆ ☆ ☆

Автомобиль-вездеход то взбегает на холмы, то сползает вниз, к какой-нибудь речушке, не задумываясь, берет ее вброд, и снова, ревя, ползет наверх. А кругом поля, поля и поля.

Петр Иванович Милюков все время оглядывается по сторонам и не устает удивляться: «Позвольте-ка, да ведь это кукуруза? Ее же раньше здесь никогда не было! А там? Свекла! Чудеса! И ее тут не было!» Водитель, человек местный и все знающий, объясняет, что свекла теперь важный элемент в здешнем балансе сельскохозяйственных культур. Своя свекла — свой сахар. И сахарные заводы строятся. Четыре больших завода. Что же касается зерновых, то они все местного происхождения. Позже мы узнали, что обязаны они своим появлением на свет Шатиловской станции. Правда, станция эта теперь в другом районе, не в Новосильском, который сохранился от Новосильского уезда, да и сам Новосильский район отошел от Тульской к Орловской области. Но плоды трудов этой станции известны далеко за ее пределами. Гречиха «богатырь» возделывается в 54 областях страны, а сама Орловщина занимает чуть ли не первое место в стране по выращиванию и урожаям самой лучшей «кашиной крупы». В Шатилове проходят сейчас государственные испытания новые сорта пшеницы и ржи, а что касается старой культуры этих районов — проса, то его сорт «Ш-624» признан самым скороспелым. Даже кукуруза, совсем недавняя жительница среднерусских областей, и та нашла свое «шатиловское» преломление: уже выведены два ее гибрида, способные полностью созревать в центральной зоне. Вот как далеко от шатиловского овса, о котором беспокоился В. И. Ленин, шагнула селекционная наука этой станции!

К вечеру мы приехали в Новосиль — древний городок, свидетель многовековой русской истории. Говорят, что и название он получил свое после очередного вражеского нашествия: набрался новых сил и вновь поднялся на своих холмах. Он открылся перед нами на крутом берегу реки Зуши, притока Оки, и заблестел в брызнувших с хмурого осеннего неба солнечных лучах своими аккуратными белостенными домами. Дома как дома, и улицы как улицы: асфальт, электричество, радио; телевизоры уже Москву через Орел принимают. Привычная для районного центра картина. И привычный для районного центра ритм строительства: и детский сад, и ясли, и универмаг, и общежитие училища механизаторов... А Петр Иванович умиляется и все удивляется. И нам легко его понять: воспоминания нахлынули на человека, встретившегося со знакомым городом 42 года спустя!

Один дом на углу, двухэтажный, белый, каменный, привлек особое внимание Петра Ивановича.

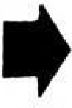
— Милиция... Погодите-ка. Да ведь и тогда в этом самом доме была милиция. А когда наступал Деникин, тут помещался наш штаб. Уцелел! Видите, уцелел и от мин и от снарядов,— замечает он.

А тем временем подходит к нему старик, седой как лунь, но крепкий еще. И вот они уже обнимаются.

— Милюков!

— Гончаров! Иван Филиппович!

Да, да, он самый, Гончаров, член уездного продовольственного коми-

тета. Шагают рядом старые коммунисты прямой, ровной новосильской улицей, идут и вспоминают. О днях минувших, о товарищах...

— Директором нашей одиннадцатилетней школы,— рассказывает Гончаров,— между прочим, Шепелев, Ефима Васильевича сын. Говорят, он сам где-то там у вас в Москве живет. Внучка его, Галя, в десятом классе, в той же школе. Да, товарищ, в дедах ходим. А у Варичева и вовсе взрослые внуки. Один университет окончил, геолог, другой — педагогический институт. Дочь его, Анна, заведует методическим кабинетом в роно.

— Позвольте, позвольте, Варичев? С какого года он член партии? С восемнадцатого? Так это же мы его в партию принимали. Где он, как живет?

— Вот в том доме, на другой стороне.

На следующий день мы поехали в бывшее княжеское село Голунь, центр большого, укрупненного, объединяющего 25 населенных пунктов колхоза «Путь к свету». Повстречались мы там с Иваном Стекановым, наследником голуньского крестьянина-бедняка. Стеканов — звеньевой. В эту осень он снимает зеленой массы на силос по 800 центнеров с гектара.

Кукурузовод Иван Стеканов — представитель новосильской власти, депутат райсовета. А животновод Полина Грачева — член обкома партии. В трудное военное время вступила Грачева в партию. Тогда же ее избрали председателем колхоза «Пятилетка»,— была тут такая раньше артель. А когда колхозы объединили и партия призвала коммунистов туда, где труднее всего, пошла на ферму простой свинаркой. Освоила дело — стала заведующей. Сейчас в ее руках весь отдел животноводства первого участка.

Полина Васильевна приглашает гостей к себе домой. А дом у нее новый, добротный, красивый, с несколькими комнатами и большой остекленной террасой.

— Неплохо, совсем по-городскому живете,— замечает Петр Иванович.— А курные избы сохранились ли где еще?

— Что вы! — смеется Грачева.— Да если бы понадобилось для музея — во всей Орловщине ни одной не сыщете. У нас в колхозе все теперь есть: своя полная средняя школа, больница, клуб. Есть и маслозавод — ведь в одном нашем хозяйстве 1 858 голов крупного рогатого скота! А сколько их в других колхозах!

Так подошли мы к разговору о районе в целом. А продолжился этот разговор у секретаря райкома партии А. И. Горяйнова. Как сын отца, тепло приветствовал он на новосильской земле П. И. Милюкова, первого председателя партийной организации в Новосиле.

Горяйнов был делегатом XXI съезда партии и, вернувшись из Москвы, горячо взялся за дело. По сравнению с прошлым годом сейчас район сдает государству хлеба в 2,5 раза больше — 600 000 пудов. Да еще 15 000 центнеров гречки и проса, 80 000 центнеров картофеля, 20 000 тонн сахарной свеклы, 10 000 центнеров конопляного волокна и столько же семян. В переводе на единую меру это означает свыше двух с половиной миллионов пудов, не считая фруктов, овощей, мяса, молока. Вот они, новые новосильские миллионы, начисленные на государственный счет к XXII съезду партии! А ведь нынешний Новосильский район — только пятая или шестая часть бывшего Новосильского уезда, того самого уезда, который 42 года назад едва-едва смог собрать миллион пудов всяких сельскохозяйственных продуктов!

...Сидит Петр Иванович у Горяйнова, прикладывает по-стариковски к уху трубочкой ладонь — и слушает, слушает... Слушает рассказ секретаря о 110 комбайнах, 250 тракторах и 500 электромоторах, пришедших на помощь земледельцу... И как тут не вспомнить ему прошлое! И думает он, вероятно, сейчас о том, что не напрасно отдавали жизнь большевики, когда боролись за хлеб, создавали первые коммуны, что вот они налицо, плоды тех и сегодняшних лет, плоды труда его, и его товарищей, и нового поколения коммунистов.

А за окном над зелеными холмами и долами, над кровлями домов и ферм, над кудрявыми садами плывут легкие, светлые облака...

Галина КУЛИКОВСКАЯ
Фото Риммы ЛИХАЧ.

ПОД ЗНАМЕН

1919 год. Отряд «дедушки» в походе. Впереди — командир отряда Н. А. Каландарашвили. Шестой справа — командир эскадрона М. В. Церетели.

М. В. ЦЕРЕТЕЛИ,
член КПСС с 1918 года

В 1919 году я командовал эскадроном в интернациональном партизанском отряде «дедушки» Каландарашвили, действовавшем в Восточной Сибири. В нашем отряде были русские, грузины, украинцы, буряты, латыши — словом, представители чуть ли не всех наций, населявших бывшую Российскую империю.

Наш командир Нестор Александрович Каландарашвили был настоящим народным героем, человеком необыкновенной личной отваги и большого обаяния. Начал он революцию анархистом, но вскоре стал убежденным коммунистом. На знамени нашего отряда были написаны следующие слова: «Вперед со знаменем коммунизма, весь век прожившие в беднотеI А теперь — плотней ряды! Под знаменем алым мы тут земле укажем новый путь. Владыкой мира будет труд. Долой единоличное хозяйство! Да здравствует объединенный труд!»

С этим знаменем в конце 1918 года мы временно покинули Иркутск, на который надвигались полчища интервентов и белогвардейцев. После невероятного по трудностям, голодного, холодного, бездорожного перехода вдоль монгольской границы мы вышли в Восточные Саяны, поближе к Черемховским каменноугольным копям, откуда были многие из наших партизан, в том числе и я. До вступления в отряд «дедушки» я работал забойщиком на одной из Черемховских шахт. Вы спросите, что меня, грузина, привело в Сибирь? Конечно, политическая ссылка, которой предшествовали четыре года каторжной тюрьмы.

Но вернемся к событиям весны 1919 года. Отряд Нестора Александровича Каландарашвили сохранил себя как боевую единицу. Весной же 1919 года в Иркутской губернии стало возникать много новых партизанских отрядов. Только мы вышли к району Черемховских шахт, как «дедушка» стал заботиться о связях с подпольным Иркутским комитетом партии. Как установить эту связь? Решили обратиться к помощи черемховских рабочих. Меня послали к ним связным. Помню, сменил я свою партизанскую одежду на робу горняка, достал шахтерскую лампочку и в таком не вызывающем подозрений виде пробрался в кишащий белякам Черемхово.

Связь с Иркутским комитетом мы установили в марте 1919 года. Так мы и узнали, что в Москве состоялся VIII съезд, который принял новую Программу партии. В соответствии с ней нам, красным партизанам, вменялось в обязанность совершать диверсии на железной дороге, вести разъяснительную работу среди сибирского крестьянства, организуя его на борьбу против колчаковщины. Колчак и интервенты уже стали откатываться под ударами 5-й армии, но мы, партизаны, продолжали «беспокоить» его тылы, разрушали коммуникации, уничтожали карательные отряды.

Многочисленные налеты на эшелоны колчаковцев, крушение поезда на станции Батарейная, взрыв моста через реку Китой, успешное нападение на Александровский централ, в котором томились тысячи жертв контрреволюции,— все это мы делали по заданию Иркутского губкома партии, координировавшего действия всех местных вооруженных сил. Ходили мы на Лену для ликвидации корпуса генерала Сукина. Вместе с отрядами рабочих-красногвардейцев разбили под Иркутском каппелевцев. На

1961 год. Почти в тех же местах — панорама Храмцовского разреза Черемховского угольного бассейна.

ЕМ АЛЫМ

станции Михалево вели особенно упорные бои с «дикой» дивизией атамана Семенова. Преследуя семеновцев, вышли в Забайкалье.

Шел 1920 год. Адмирал Колчак был разбит и попал в руки армии рабочих-дружинников и партизан в Иркутске. В губернии установилась Советская власть, а партизаны сибирского «дедушки» еще долго добивали остатки белогвардейцев и японских интервентов в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Сам «дедушка» побывал дважды в Москве, у Владимира Ильича Ленина, удостоился высокой награды — ордена Красного Знамени. В 1922 году, во время ликвидации контрреволюционного мятежа в Якутии, он был убит.

В 1922 году я вернулся в Грузию и с тех пор не бывал в Сибири.

Друзья вспоминают минувшие дни... Слева направо: бывший помощник командующего Восточно-Сибирской Красной Армией А. Г. Нестеров, бывший партизан отряда «дедушки» учитель-пенсионер Г. И. Белоусов и М. В. Церетели.

☆ ☆ ☆

В обед мы были еще в Тбилиси, на квартире Михаила Варденовича Церетели, слушали добрые напутствия его супруги Ольги Виссарионовны. А наутро ходили по иркутской земле. Стоял золотой месяц сентябрь. Земля была тёплой, солнечной. Будто и не выезжали из Грузии. Ночной бросок на «ТУ-104» казался неправдоподобным. Сколько дней преодолевал Михаил Варденович это расстояние полсотни лет назад, он теперь и не вспомнит...

В Иркутске нас встретила дочь партизанского «дедушки» — Нина Несторовна Каландарашвили, с которой Михаил Варденович переписывался. Помнил он ее смутно, маленькой девочкой. Сейчас его заключила в крепкие объятия крупная, по-сибирски цветущая женщина, чертами лица очень напоминающая отца.

Михаил Варденович привез ей свою книгу, на обложке которой изображен стремительно мчащийся бородатый всадник и написано: «Народный герой Нестор Каландарашвили». Перед самым вылетом в Иркутск Михаил Варденович успел взять в издательстве несколько еще «тепленьких» экземпляров. Это был его подарок дочери любимого командира. Нина Несторовна вот уже 15 лет как работает заместителем главного технолога на заводе в новом городе Свирске.

— А я все время буду с вами! — обрадовала она нас.— У меня отпуск, уйма свободного времени...

И мы втроем отправились в путешествие по памятным местам.

— Михалево! Где же станция Михалево? Здесь несколько тысяч колчаковцев сдались нам в плен...

Михаил Варденович стоит на плотине Иркутской ГЭС и оглядывается по сторонам. Нет Михалева. Исчезли селения Пашки и Патроны. Все затопило Иркутское море — водохранилище ГЭС. На здании станции дата — 1959 год. Надпись: «Предприятие коммунистического труда».

— О! Видал-миндал?!

В голосе старого партизана гордость. Но что имеется в виду? Битва за Ангару 1919 года или битва за Ангару 1959 года? Наверно, и то и другое. И третье. Третье — это Братск. Без Иркутской ГЭС — первенца ангарского каскада — не было бы и Братской ГЭС.

Продолжая эту мысль Нины Несторовны, Церетели задумчиво, ни к кому не обращаясь, говорит:

— А если бы не было Братской партизанской дивизии, формировавшейся в тех местах, где нынче рождается Братское море, то, может, не было бы и самой станции.

Михаил Варденович старательно читает высеченные на мраморе имена передовиков строительства Иркутской ГЭС. Многие из них непременно повторятся и на здании Братской ГЭС. Кто они? Сыновья и внуки его соратников, боевых друзей? Племя молодое, незнакомое...

Вот оно строит близ Иркутска новый город Шелихов.

Едем туда, где четыре года тому назад было пустое место. Сейчас здесь 100 тысяч квадратных метров жилья. Город — спутник строящегося крупнейшего алюминиевого комбината. Комбинат — спутник каскада ГЭС на Ангаре. Вот она откуда тянется, ниточка!...

Главный инженер Тимофей Антонович Иванец ведет нас в цех электролиза, где заканчивается монтаж ванн. Цех — громада длиною в полкилометра. Рядом будет еще несколько таких громад.

— А это наша подсобная электростанция,— бросает мимоходом Иванец,— 18 тысяч киловатт, так сказать, на «мелкие расходы».

— Да, на «мелкие расходы»...— вторит Нина Несторовна.— Еще недавно Иркутск обходился станцией в 12 тысяч киловатт. Я проходила на ней студенческую практику.

Черемхово... Надо обязательно побывать в Черемхове. Путь к нему лежит через деревню Китой. Для Михаила Варденовича Китой — это взрыв железнодорожного моста. А еще раньше — один из этапов ссыльного тракта, по которому гнали его на поселение.

Что же теперь? Мост, конечно, новый. А на месте старого Китоя возник Ангарск — город, уже занявший у тайги площадь в тысячу гектаров, город, который дает стране керосин, бензин, смазочные масла, цемент, электроаппаратуру, гипс, керамику, лес... А исполнилось этому городу в мае нынешнего года всего лишь десять лет.

Прямые, как свечи, таежные сосны стоят вдоль аккуратно «нарезанных» улиц. Но одна из этих улиц — Московская — имеет неожиданно петляющий профиль. Это ангарские архитекторы сохранили как память о страшном прошлом Сибири кусочек бывшего ссыльного тракта.

Динь-бом, динь-бом.

Слышен звон кандальный,— пели когда-то здесь.

Сейчас на Московской улице — школа, филиал Политехнического института, Дом техники, детский сад, 7 магазинов, ателье мод... И бегут по ней красные, звонкие трамваи:

Динь-бом, динь-бом...

...Мы в Черемхове. Разговор с управляющим трестом «Черемховуголь» Владимиром Петровичем Пахомовым:

— Вы на Щелкуновской шахте работали? И я на этой шахте коногоном начинал, в 1921 году. Помните управляющего Стаценко? Моя мать служила у него кухаркой. Я слишком молод был, но все хорошо помню. И похороны шахтеров-партизан и как красногвардейцы угнали бронепоезд интервентов. Мы, черемховская ребятня, во всем помогали тогда красным... А Щелкуновской шахты уже нет. И вообще шахт становится все меньше и меньше...

— ??

— Пойдемте, покажу, как мы теперь добываем уголь.

Панорама, которая открылась с кромки Храмцовского разреза, производила сильное впечатление. Перед нами лежал такой широкий ров, что на противоположной стороне его нельзя было различить человеческие фигуры. В глубине кипела жизнь: работал путеукладчик, двигались груженые составы, громадные шагающие экскаваторы захватывали своими ковшами в один прием десятки тонн угля. Все это скрежетало, гудело, свистело и... сияло под лучами солнца. Открытая добыча!.. Как это необычно, приятно для глаз старого горняка!..

— Значит, не надо крепежного леса?! Значит, совсем безопасно?! — спрашивал взволнованный Михаил Варденович.— А выгодно ли?

Управляющий взял блокнот и стал набрасывать: «Шахта «Объединенная». 2 500 рабочих. Суточная добыча 4 800 тонн. Храмцовский разрез. 1 800 рабочих. Суточная добыча 12 900 тонн. «Шахтный» уголь станет 4 руб. 50 коп. тонна. «Открытый» — 1 рубль 70 коп.»

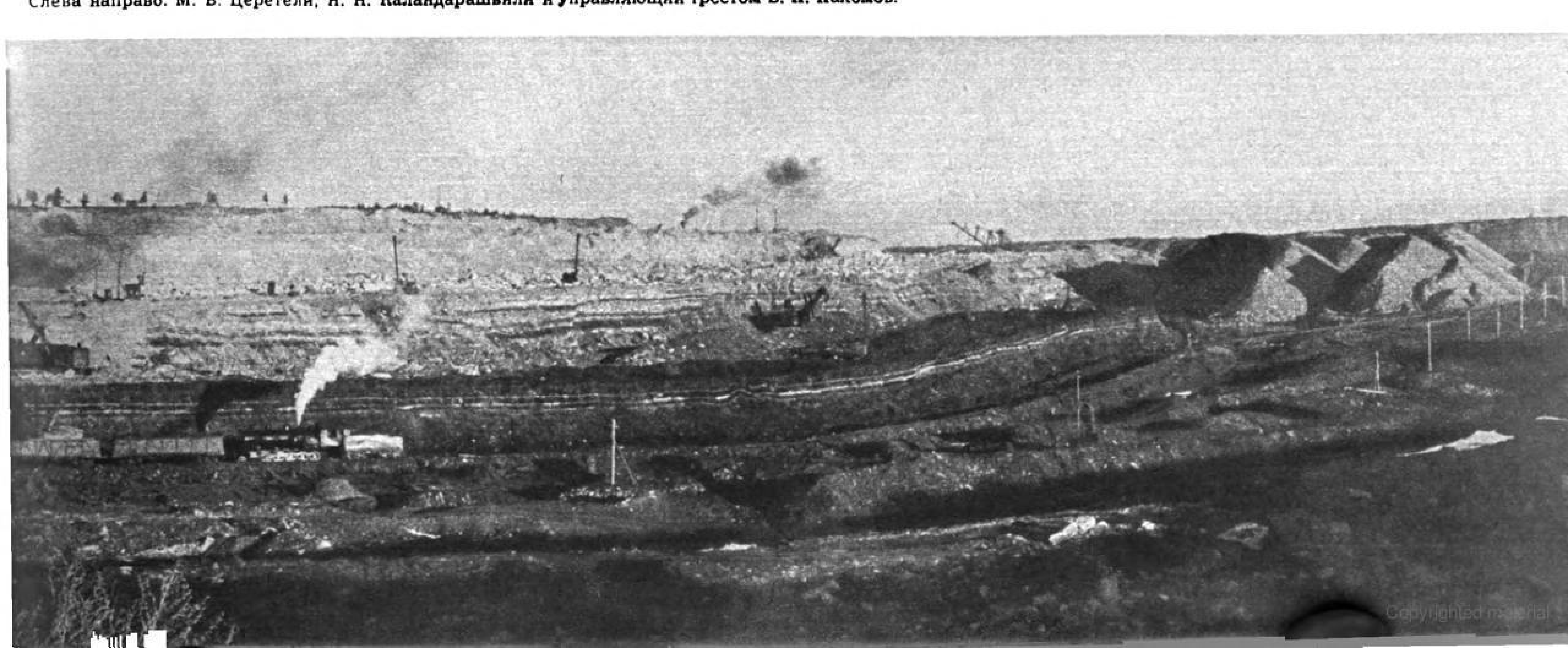
— Вы понимаете теперь, почему через год-другой семьдесят пять процентов добычи в нашем бассейне будет осуществляться открытым способом? Мы станем добывать не 16 миллионов тонн угля в год, как сейчас, а все 20 миллионов.

И они долго стоят у разреза, любуясь картиной труда: старый партизан, дочь партизанского командира и бывший «кухаркин сын» — управляющий крупнейшим угольным трестом Восточной Сибири...

Ия МЕСХИ

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Слева направо: М. В. Церетели, Н. Н. Каландарашвили и управляющий трестом В. П. Пахомов.

Петр Ефимович Ершов. Царицын. 1923 г.

П. Е. Ершов. Сталинград. 1961 г.
Фото А. Гостева.

П. Е. ЕРШОВ, член КПСС с 1917 года

Меня попросили рассказать о девятнадцатом годе, о днях, когда партия принимала свою вторую Программу. Вспомнить то время мне не так уж трудно, хотя с тех пор и прошло более сорока двух лет. Забудут ли когда-нибудь нынешние строители коммунизма Братск и целину, строительство газопроводов и встречу Гагарина? Не забыть и девятнадцатый год...

В 1919 году мне было двадцать семь лет. Для того революционного времени это солидный возраст. Я уже успел походить с погонами прапорщика. В метельном феврале 1917 года не только принял сердцем весть о свержении царя, но и помогал крушению самодержавия. Это было в Николаевском уезде, Царицынской губернии, где стоял наш запасный полк. Там же в сентябре семнадцатого меня приняли в партию большевиков... Однажды в феврале солдаты двинулись из казарм и убили полкового командира. Все офицеры бежали. Я остался с солдатами. Они провозгласили меня командиром полка и пронесли на руках до казарм.

Летом того же года был у Владимира Ильича, осенью по его указанию брал с товарищами власть в Казани. И второй раз был у Ленина и потом еще дважды...

В 1919 году я снова в той же Николаевской слободе, что на левобережье Волги, как раз напротив Камышина. Теперь выданные мне мандаты говорили о том, что я, Ершов Петр Ефимович, «есть действительно товарищ председателя Николаевского уездного революционного комитета», а также «избран на должность заведующего Николаевским уездным земельным отделом, что подписью и приложением печати удостоверяется»... Тогда же мне выдали нарукавную повязку «Комиссар земледелия» — с твердым знаком в конце первого слова и с буквой «ять» во втором.

Должность моя звучала громко, но никакого земледелия в нашем сегодняшнем понимании тогда в уезде не было. Заволжье заселяли богатые скотоводы. Здесь было немало кулаков, гнездившихся на отрубах. Бывало, едешь степью — голо, ветер да орлы. И вдруг хутор. Забор на заборе, волкодавы...

В дни, предшествовавшие принятию второй Программы партии — а это была ранняя весна девятнадцатого года,— уездные власти решили выяснить, сколько скота в селах и на хуторах. Хозяйственная разведка Советской власти вызвала молчаливое и упорное сопротивление. Мы хотели проникнуть в святая святых собственника. И он встретил нас огнем. В буквальном смысле. Нашего работника, учетчика Извольского, на одном из хуторов убили. Его обгорелый труп нашли в скирде соломы. Но нашли тогда и убийцу. Извольского мы хоронили в Николаевке с почестями, а его убийцу тут же на площади расстреляли. Рядовому Советской власти — салют, а бандиту — пуля.

Но хуторские не сдавались. Один за другим исчезали наши товарищи в затаившейся степи. Трупы их находили то в глубоких колодцах, то в мерзлых скирдах.

К тому времени я был назначен еще и командующим ЧОН (Частями особого назначения) Николаевского уезда. Так назывался военный коллектив партии, в который входили вооруженные коммунисты и комсомольцы, боровшиеся с бандитами. В 1919 году кулаки вытащили из тайников винтовки, пулеметы и даже две пушки, которые сынки их притащили с фронта («В хозяйстве все сгодится!»). «Степные партизаны», как называли себя воители за толстую суму и право обожраться землей в одиночку, захватили участок железной дороги Палласовка — Джаныбек и с боем двинулись к Николаевке. Мы подняли ЧОН, всю парторганизацию по тревоге и двинулись навстречу.

Бандиты избегали открытого боя, старались заманить нас в ловушку, взять хитростью. У них ничего не вышло. Не сгодились в их «хозяйстве» и те две пушки. Быстро продвигаясь от хутора к хутору, мы взяли Упрямовку, потом пошли к хутору местного мильонщика Зеленкина. Там и сшиблись! Много кулаков осталось лежать в бурьяне, а уцелевшие рассыпались по мокрой, холодной степи.

Шел март 1919 года, а число было девятнадцатое. В тот день лучшие посланцы партии проголосовали в Москве за социализм. А мы в Заволжье гнали белобандитов. Сходил последний снег. Степью двигалась весна... В тот знаменательный день я был ранен в атаке, но остался в строю...

НА БОЛЬШИЕ ДЕЛА

— Товарищ старший пионервожатый! Пионерская дружина имени Олега Кошевого для встречи с ветераном двух революций товарищем Ершовым построена...

Рапорт сдан. Рапорт принят. Дружина равняется на знамя. Оно плывет вдоль строя. Одни ребята очень серьезны, чуть бледны, другие возбуждены, косят глазом на застывшего по команде «смирно» седоголового гостя.

...Петр Ефимович Ершов сейчас персональный пенсионер, живет в Свердловске, ему скоро семьдесят. Это могучего сложения человек с ясными глазами, всегда гладко выбритый.

Я видел приказ по городу, отпечатанный на чистой стороне конфетной обертки «Карамель коньяк» и подписанный начальником гарнизона г. Царицына Ершовым. Я видел выписку из протокола № 50 заседания президиума губкома РКП от 24 июля 1920 года, на котором постановили: «Ввиду скудости средств в губернии ходатайство Совета ЧОН отклонить, а т. Ершову за его умелое руководство частями ЧОН вынести благодарность и занести на красную доску...» Он зарубил в бою Фомина, в банде которого мотался по степи шолоховский Мелехов. Он воевал под командованием К. Е. Ворошилова, вместе с Семеном Буденным.

...Поет горн... Петр Ефимович Ершов снова в Николаевке... Стучит барабан... Он не был здесь сорок два года. Ветеран двух революций встретился со своим будущим, с теми, кому жить при коммунизме. Как к ним обратиться, как их назвать? Дети? Или бойцы?..

Мы приехали с Петром Ефимовичем в Николаевский район, Сталинградской области, чтобы сегодня вместе пройти дорогами гражданской войны, чтобы взглянуть глазами бывшего уездного комиссара земледелия на нашу колхозную и совхозную степь.

Николаевский район на первый взгляд ничем не примечателен. Но только на первый! А для Ершова — я по глазам его вижу — здесь сплошь чудеса. Вот Волга. Да река ли это? Почти от самого Сталинграда, от стен города Волжского, которого еще десять лет назад не было на земле, разлилось море!

Сам поселок Николаевский ничем не поражает. Видно, что городок аккуратный, под стать новой Волге. И все. Но Петр Ефимович, как сошел со сходен, заволновался: «Не то, не то... Где же Николаевка? Неужели не узнаю?» Секретарь райкома партии Владимир Михайлович Чистяков, встретивший нас, пояснил:

— И не можете узнать. Старую слободу море скрыло. Люди перебрались в степь, повыше. Так что милости просим в новый город!

Мы гуляли просторными, прямыми, как ленинградские проспекты, улицами юного городка, и Петр Ефимович узнавал в новых домах, в их фундаментах кирпичи старых купеческих хором. Камни рассказывали ему о великих переменах, происшедших в Заволжье. На месте старой слободы шумело нешуточное море, а почти у самого его берега, на бугре, стоял простенький обелиск в честь бойцов революции, в честь товарищей Петра Ефимовича.

На следующий день мы поехали в степь. И тогда уже не камни — земля стала рассказывать о себе. Тихая, плотно уставленная золотыми скирдами степь, местами широко распаханная, местами уже засеянная под зиму. Степь рассказывала о необычайном 1961 годе. Нынче, несмотря на сушь, сталинградцы собрали замечательный урожай.

Тепло встретились бывший товарищ председателя уездного ревкома и нынешний председатель райисполкома. Петр Ефимович вглядывался в светлые глаза такого же высокого, совсем еще молодого человека:

— Так вот для кого мы брали и удержали власть! Для таких, конечно, для таких!... Хорошо!

Иван Филиппович Маврин родился в 1931 году, он зоотехник с высшим образованием. Семь лет председательствовал в колхозе, там за труды и орденом Ленина награжден. А сейчас избран председателем райисполкома. Молод, но умудрен, чувствуется, опытом. Энергичен и в то же время мягок, уважителен с людьми.

Иван Филиппович не без гордости перечислял: почти во всех колхозах и райцентре построены Дома культуры. И еще строятся. В районе пятнадцать радиоузлов, около трех тысяч радиоточек и почти две тысячи радиоприемников, более восьмисот мотоциклов и около сорока автомашин в личном пользовании. В основном у механизаторов и чабанов.

— Механизаторов у нас вовсе не было,— вставил слово Ершов,— а чабаны были самыми нищими и презираемыми людьми... А как нынче у вас с медициной? Помнится, был в Николаевке один «дохтур» и три «фелшера».

— Сейчас двадцать врачей и более ста двадцати медицинских работников со средним образованием. Но не обольщайтесь, Петр Ефимович, этими цифрами. Врачей еще мало. Сейчас в райцентре строится больничный городок, скоро еще сто двадцать пять коек прибавятся...

Встречи в степи — самое удивительное, что было в этой поездке. Ершова узнал старый чоновец, член партии с 1923 года Илья Васильевич Скрипаленко. Он ходил против банд в 1919 году и позже, уже в двадцатые годы. Работал девять лет в уголовном розыске, раскулачивал в 1929 году хутора Прудентова и Павленковых.

— В меня там стреляли,— тихо говорит невысокий, рано состарившийся человек.

В колхозе имени Ленина, соседнего Палласовского района, мы разыскали Григория Антоновича Огаркова. Разом оживился старик, когда его попросили вспомнить год девятнадцатый.

— Я тогда только с фронта вернулся, а тут революция вовсю. Думаю, надо снова браться за винтовку. Тогда по весне Извольского убили. На его могиле комиссар выступал, грозно адресовался к врагам революции...

Петр Ефимович достает пожелтевшую фотографию: «Не признаешь ли?»

— Так то вы и были?! — Дед Григорий впивается глазами в своего военкома.— Конечно же, то вы! Теперь я признаю! У церкви Покрова выступали...

— Верно.

— Вот счастье — увиделись! — не перестает радоваться дед Григорий. И вспоминает вслух прошлое.— Помню, начали колхозы организовывать. Вот и говорит мне хуторской один, Синицын: «Как, мол, Гриша, вы, безграмотные и бессильные, хозяйствовать будете?» Я просто отвечал: «Смогём! Как Ленин велел, так и будем!» Вот все по-ленински и сделали.

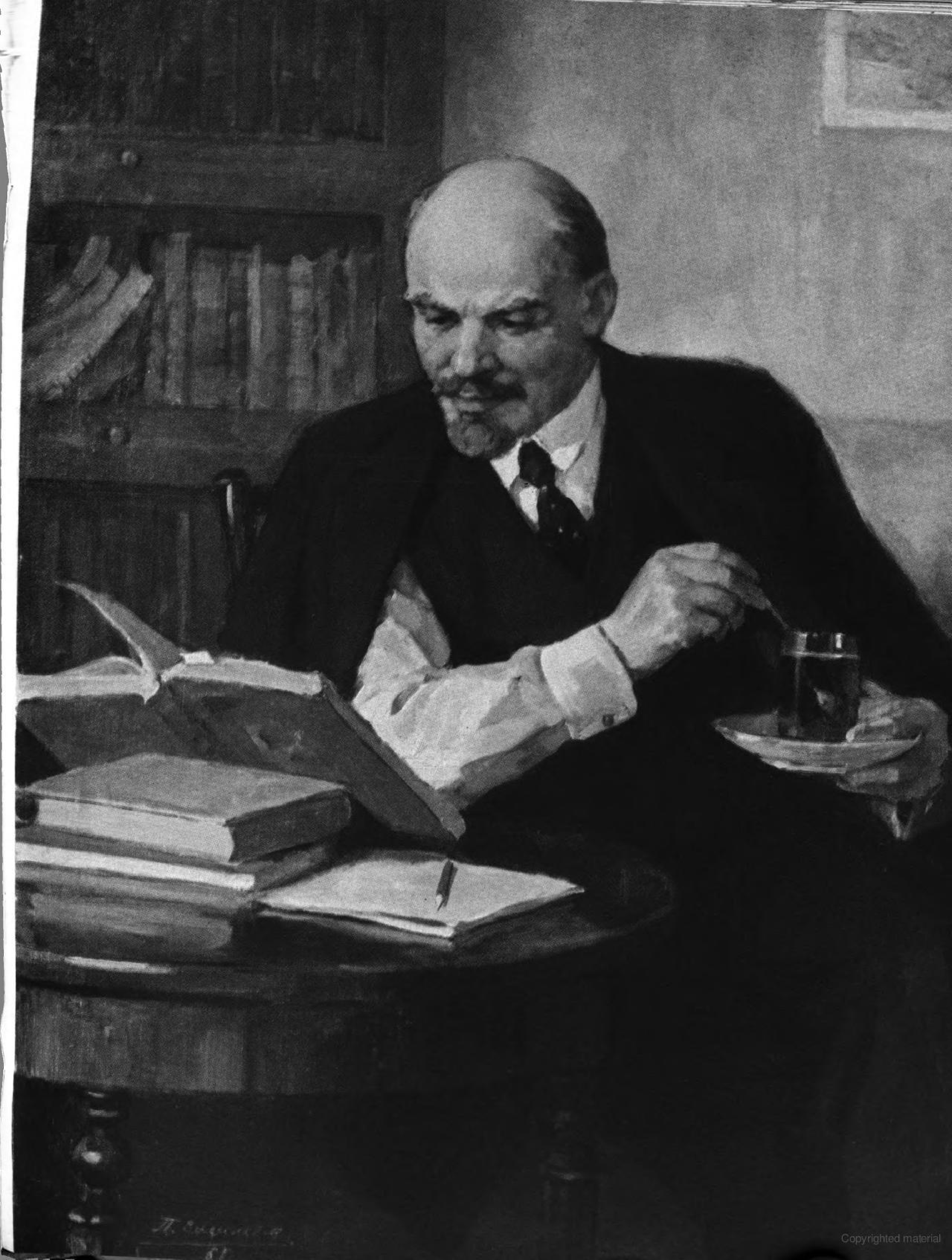
...Пионерам николаевской восьмилетки № 5 Петр Ефимович сказал:

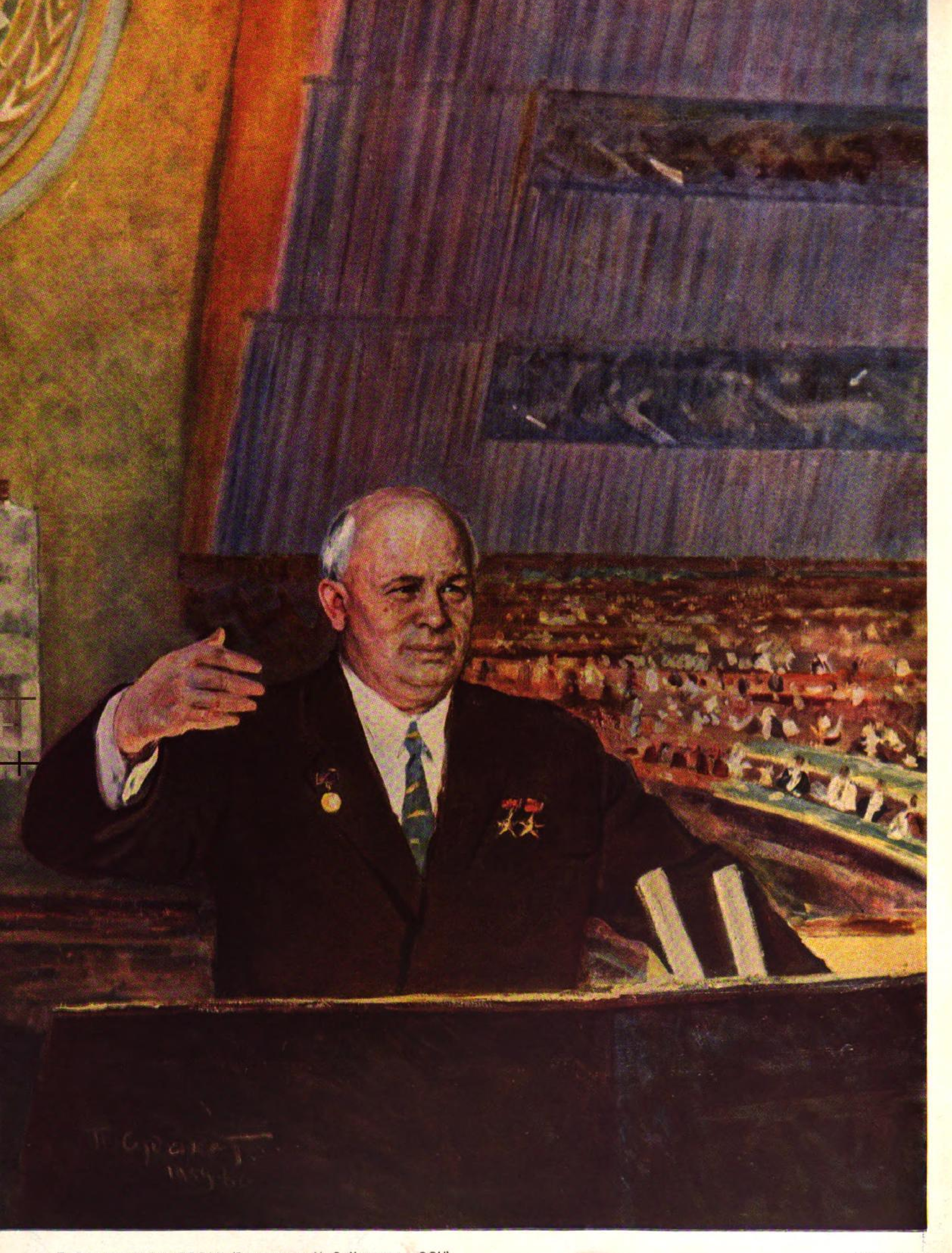
— Встреча с вами — это встреча молодого военкома с его будущим, о котором он, признаться, и не мечтал. Просто не знал, не мог представить, что оно будет таким... Я доживу до коммунизма. И я обязательно приеду к вам через двадцать лет, как приехал сейчас, и поздравлю вас с вашей победой.

Он так и не решил, как лучше назвать их — дети или бойцы. Они были детьми, но они стояли, как бойцы, под знаменем. Над ними пела походная труба, и у них был свой барабанщик...

Николай **БЫКОВ**

П. Васильев. В. И. ЛЕНИН.

П. **Судаков.** МИР НАРОДАМ (Выступление Н. С. Хрущева в ООН).

Три портрета Германа Титова

Я. МИЛЕЦКИЙ

КТО ТАКАЯ АСТРИД?

Николай Павлович Поляков, начальник конструкторского бюро Коломенского завода тяжелых станков, разложил перед собой на столе три портрета героя-космонавта. Он намерен послать их своим зарубежным друзьям. А таких друзей у Николая Павловича много и в разных странах. Случается, что от них приходит до ста писем в месяц.

Кому же послать портрет Германа Титова? Ну, конечно, прежде всего дорогой Астрид! Для нее это будет доброй весточкой от советского друга. Возможно, что она вставит портрет в рамку и он будет висеть над диваном, так же, как в столовой у Поляковых висит семейная фотография самой Астрид. Она важно сидит рядом с мужем и тремя очаровательными детишками.

Поляков помнит Астрид совсем молодой, когда у нее еще не было своей семьи и она работала в придорожном кабачке близ города Рене. С тех пор прошло почти двадцать лет. Тогда Николай Павлович томился в Норвегии в гитлеровском лагере для военнопленных. А эту, уже семейную фотографию Полякову преподнесли несколько лет назад, когда он навестил своих норвежских друзей. Он пришел в гости к Астрид, и они вдоволь наговорились, вспоминая прошлое. Прощаясь, Эйвинд, муж Астрид, снял со стены семейную фотографию в потемневшей от времени рамке и протянул ее Полякову. «В знак вечной дружбы наших народов!» — сказал он, обнимая русского.

Но кто же такая Астрид?

...По пустынной норвежской дороге эсэсовцы гнали советских военнопленных — голодных, оборванных, истощенных. Наконец разрешен короткий отдых у небольшого кабачка. Пленные, опустившись на голую землю, тяжело переводят дух. Среди пленных и Поляков. Он лежал ближе всех к столу, за который уселись конвоиры. Возле них хлопотала норвежская девушка. Зло посмотрел на нее Николай. Видимо, полный ненависти взгляд русского был так красноречив, что девушка остановилась на мгновение и внимательно посмотрела на его обросшее щетиной лицо, на тело, едва прикрытое лохмотьями. И может, это почудилось пленному, но девушка, кажется, хотела улыбнуться ему, да губы не повиновались ей, а в глазах сверкнули слезинки...

На следующий день знакомый норвежский шофер, приехавший в лагерь, оглянувшись по сторонам, успел шепнуть Николаю (Поляков был одним из руководителей движения Сопротивления в лагере и имел много друзей среди норвежских патриотов):

«Привет от Астрид! Она передала тебе этот пакет». «Что в нем?» «Еда». «А кто такая Астрид?» «Она видела тебя у кабачка своего отчима». «Можно ли ей верить?» Николай вспомнил вчерашнюю встречу. «Она верная дочь Норвегии. Можешь через нее передавать письма партизанам «Лесные ребята». Не бойся».

И Николай поверил Астрид. Она стала его верной помощницей и другом: передавала продукты в лагерь, сообщала новости с фронтов, была связной с «Лесными ребятами».

Николая, человека популярного среди норвежских борцов Сопротивления, фашисты загнали в самый страшный лагерь. Его пытали, подвешивали к потолку вниз головой. Но не сломили воли, веры в победу.

Вот почему так тепло встречали в Норвегии «русского Николая», когда он много лет спустя приехал к своим друзьям, к Астрид. Бывшие «Лесные ребята» вспоминали тяжкие времена войны, говорили о мире, о будущем. Учитель Ларс Гьендемшо всю войну провел в горах среди партизан. Его жену гитлеровцы заточили в тюрьму. Она вышла оттуда седой. Их дочь умерла. Теперь у Ларса и Ольги родилась вторая девочка. Ее назвали Лив, что по-норвежски означает «жизнь».

— Пусть ее жизнь протечет в мире, — сказал Ларс Николаю. — Пусть наши дети никогда не знают, что такое война!

...У норвежцев есть хорошая традиция: когда они принимают советского гостя, то на обеденном столе зажигаются две свечи, символизирующие домашний уют, и ставятся два флажка — СССР и Норвегии — в знак мира и дружбы. Семья Астрид подарила Николаю такой норвежский флажок. Поляковы хранят его как реликвию. И он, конечно, украсит обеденный стол в уютной квартире советской семьи, когда ее навестит милая Астрид. А пока идет оживленная переписка. В одном из последних писем Астрид — большая тревога: неужели империалисты снова начнут войну? «А хочется верить, — пишет норвежская женщина, — что мы будем жить в мире и дружбе».

...Николай Поляков взял в руки портрет Германа Титова и написал на его обратной стороне: «Дорогие друзья Эйвинд, Астрид и маленькие Торе, Лизбет и Эрик! Глубоко уверен, что народы мира, испытавшие ужасы войны, не допустят, чтобы снова загрохотали орудия и полилась людская кровь, — они отстоят дело мира, и солнце дружбы будет сиять над нашей планетой, которую 17 раз облетел наш герой-космонавт. Будьте здоровы и счастливы! Много приветов мамаше Паулин. Николай Поляков».

ГАМБУРГСКАЯ ВСТРЕЧА

Реликвиям, бережно хранимым семьей Поляковых, в пору бы занять достойное место в Музее Дружбы Наций, будь такой музей создан. Чего только тут не увидишь! Рядом с орденом Отечественной войны — его вручили Николаю Павловичу уже после войны, когда стала известна его мужественная борьба с гитлеровцами в Норвегии,— рядом с поблескивающей золотом медалью «За освоение целинных земель» — награда дочки Тамары, ездившей с подругами-студентками на уборку урожая,— значки партизан и отрядов Сопротивления многих стран Европы. Их подарили Николаю друзья-антифашисты, с которыми он встречался во время зарубежных поездок как член президиума Советского комитета ветеранов войны.

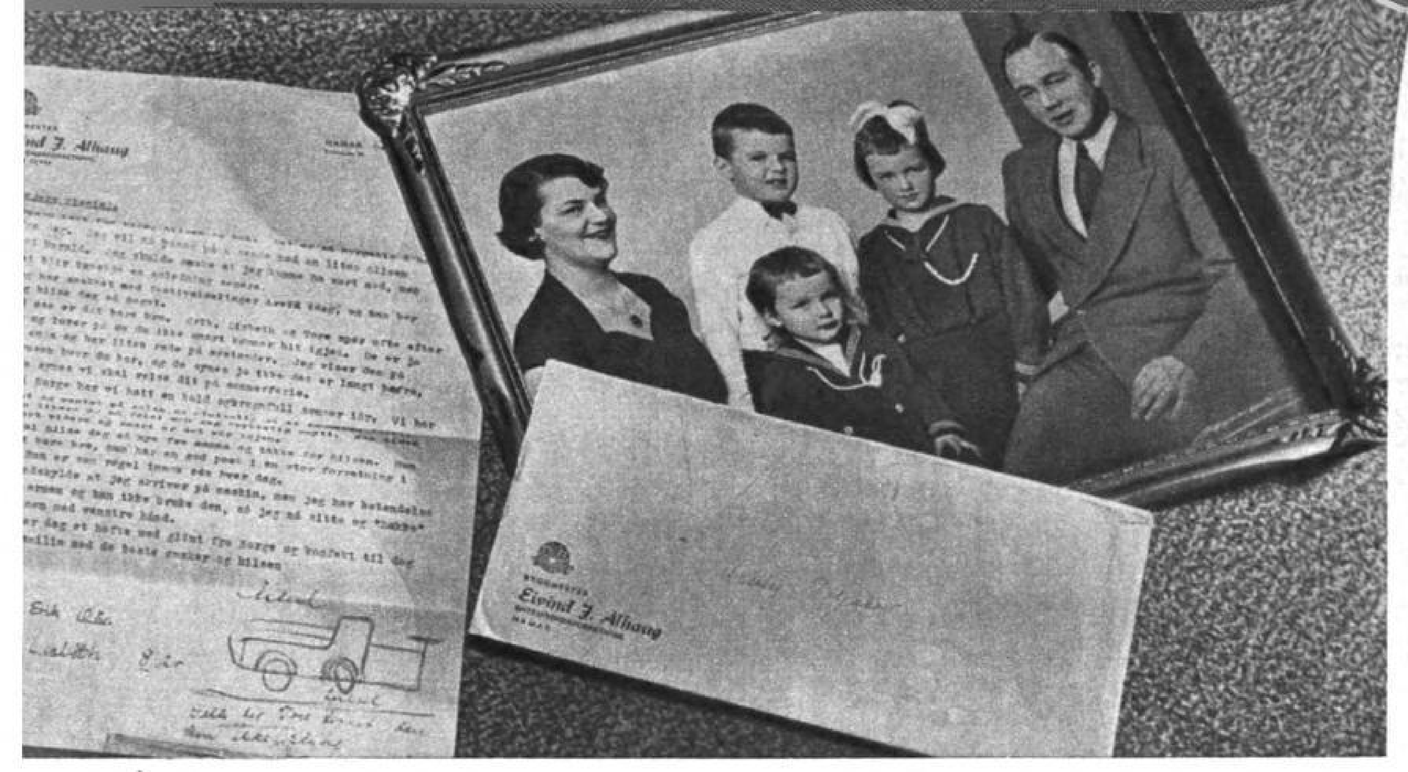
В Париже, где происходил конгресс ветеранов войны, Николай Павлович прикрепил к лацкану своего пиджака небольшой значок активных участников Сопротивления. Его преподнес ему француз Поль Бельваль. И случилось это вот как.

В перерыве между заседаниями к Полякову подошел француз. Разговорились. Оказалось, что он тоже побывал в гитлеровских лагерях.

— А вам приходилось встречать наших русских военнопленных?

— Да, но говорил я только с одним из них. Это было в Гамбурге, куда их привезли по пути в Норвегию.

— В Гамбурге? — воскликнул Поляков. — В огромном доме с

Вот она, Астрид, со своей семьей. Вы заметили рисунок в конце письма? Это весточка от самого младшего из семьи.

Встретились старые друзья — русский Николай и француз Поль. Много лет прошло после их гамбургской встречи!..

большими залами, до отказа набитыми голодными, изнуренными людьми?

— Да, да...

— И вы лежали у самой двери, а за ней были русские?

— Да...

— И какой-то русский спросил на немецком языке: «Кто вы такой?»

— Верно, но откуда вы это знаете?

— И когда вы ответили, что вы француз, русский сказал вам: «Здравствуйте, товарищ»? И добавил шепотом: «Виктория» — «Победа!»

— Так именно и было, черт возьми!

— Тогда русский чем-то приоткрыл дверь, и вы посмотрели друг другу в глаза? И неважный вид был у обоих, грязные, худые, обросшие?

— И то верно...

— И русский назвал свое имя?

— Николай! Неужели это ты?!

— Поль, друг мой!

Радостные, возбужденные, они вспоминали эту гамбургскую встречу, подружившую их навеки и оставившую неизгладимый след на всю жизнь.

— Помнишь, как мы поделились крохами своего хлеба?

— А помнишь, как эсэсовец избил нас прикладом, когда обнаружил нашу тайну?

— Больше это никогда не должно повториться, Николя!

С тех пор из Парижа в Коломну и из Коломны в Париж часто идут письма.

«Мой дорогой Николя! Я от всего сердца хочу длительного мира, — пишет француз. — Пусть молодежь не знает тех горестных и печальных лет, через которые прошли мы с тобой, испытав ужасы фашистских лагерей.

Нас, борцов с фашизмом, много во Франции, но все еще недостаточно, чтобы обуздать тех, кто готовит войну. Поэтому нужно бороться и бороться. Тогда война станет невозможной».

Что ответить другу? И «Николя» посылает ему портрет героя-космонавта.

«...Я думаю, дорогой Поль, что тебе приятно будет получить портрет нашего Германа Титова. Ты знаешь, конечно, что его космический полет был совершен с мирными целями, что наша страна, обладающая столь могучей техникой, продолжает упорно бороться за мир во всем мире, чтобы не повторилась наша страшная гамбургская встреча»...

БЕРЛИНСКИЙ ДРУГ

Бывают же такие приятные совпадения: в большой для всего человечества день открытия XXII съезда партии семья Поляковых отметит еще одну радостную дату—семейную: исполняется 25 лет супружеской жизни коммуниста Николая Павловича и коммунистки Клавдии Ивановны — серебряная свадьба в скромной советской семье.

Я не знаю, как проведут этот памятный день «молодожены», соберутся ли у них заводские друзья, или они тихо прокоротают вечер в кругу дочерей-комсомолок, но мысленно они, конечно, будут с ними, со своими товарищами-коммунистами, собравшимися в Кремле.

В такой день многое оживает в переулках памяти. Вспоминается и то, как еще комсомольцами полюбили друг друга двадцать пять лет назад и как счастливо текла их жизнь, как родились Галина, Тамара... И вдруг, словно гром среди ясного неба,— война!..

...Выжили, выстояли! Когда красноармеец Николай Поляков уходил на войну, дочери еще под столом ползали. И молодая жена Клава, провожая мужа, не сдержалась, заплакала: «Коленька, на кого ты нас оставляешь!» Ох, как

ЕСЛИ БЫ НЕ БЫЛО ВОЙН

Не поддается исчислению количество материальных ценностей, затраченных на ведение двух мировых войн и разрушенных во время этих войн.

Экономисты подсчитали, что если бы деньги, израсходованные на первую мировую войну, были использованы на повышение благосостояния народов, их хватило бы на то, чтобы

КАЖДОМУ ИЗ 74 МИЛЛИОНОВ МОБИЛИЗОВАННЫХ СОЛДАТ КУПИТЬ ХОРОШИЙ ДОМ С БОЛЬШИМ УЧАСТКОМ ЗЕМЛИ.

Только прямые расходы на вторую мировую войну составили такую сумму, на которую можно было бы

ДАТЬ СРЕДНЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЯМ ВСЕГО МИРА, ПОСТРОИТЬ ПЯТИКОМНАТНЫЕ ДОМА ДЛЯ ВСЕХ СЕМЕЙ В МИРЕ И ОБОРУДОВАТЬ НА КАЖДЫЕ 5 ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК НАСЕЛЕНИЯ ЗЕМЛИ ПО ОДНОЙ ПРЕКРАСНОЙ БОЛЬНИЦЕ.

«Семейное собрание» Поляковых: родители — коммунисты, дочери — комсомолки.

тяжко вспоминать про войну! И про то, как дочерей растила, и про то, как словно с того света вернулся Николай, когда в дом вошел, после плена...

Дочери уже стали взрослыми. Вместе с родителями работают на одном заводе тяжелых станков. У всех четверых — дипломы техников. Но дети уже вырвались вперед: Галина — на четвертом курсе коломенского филиала вечернего машиностроительного института, а младшая, Тамара,— на первом. В мире, достатке живет ныне дружная, трудолюбивая семья.

Многое вспоминается Николаю, когда заходит речь о войне, о страданиях, которые принесла она людям; и в такие минуты Николай как-то невольно тянется к шкафу, где лежат письма его друзей-антифашистов, фотографии, значки, медали, все, что напоминает о тех парнях всей земли, которым, как и ему, очень дорог мир.

Германия... Берлин... И вспоминается добрый друг, немец Роберт Зиверт, узник Бухенвальда, с которым Николай Павлович подружился в одну из своих поездок в ГДР. Вот его последняя весточка: «Мы в Берлине ощущаем снова и снова, изо дня в день те усилия, которые прилагает капиталистический лагерь, чтобы помешать нашему мирному развитию. Но мы отстоим мир и не боимся никаких угроз. Именно в наше тревожное время столь значительными становятся предложения, внесенные Никитой Хрущевым в Организацию Объединенных Наций о всеобщем и полном разоружении. Подавляющее большинство человечества хочет мира и стоит за дружбу между народами. И товарищ Хрущев указал путь к этому».

Хорошие, верные слова берлинского друга! Ему и отправляет Николай Поляков третий портрет Германа Титова.

САН-ФРАНЦИСКО — МОСКВА

10 тысяч километров пешком прошли многие участники марша за мир Сан-Франциско — Москва. Поход начался 1 декабря 1960 года и продолжался более десяти месяцев. Сначала в нем участвовало всего несколько человек, но постепенно число участников росло. К маршу присоединялись американцы из других городов, англичане, немцы, французы, шведы... Когда они пересекли около Бреста советскую границу, их было уже тридцать человек из девяти стран.

Одни и те же плакаты они несли, раздавали одни и те же листовки на пути по Соединенным Штатам, Англии, Бельгии, ФРГ, ГДР, Польше и Советскому Союзу. Но отношение к ним в разных странах было отнюдь не одинаковым.

На Западе их считали преступниками. В США и Западной Германии их не раз арестовывали, штрафовали, над ними издевались. Во Францию их вообще не пустили, хотя они дважды пытались высадиться. И везде им внушали: «Не ходите в Советский Союз. Все равно вас туда не пустят, а если и пустят, то будут преследовать».

«Мы понимаем,— рассказывал в Москве американец Скотт Херрик из Нью-Йорка,— что далеко не все наши идеи — ведь мы пацифисты — разделяются советскими людьми. И все же нам разрешили идти по вашей стране, раздавать листовки, нам всячески помогали в походе... Это весьма знаменательно».

Марш Сан-Франциско — Москва успешно завершен. Несколько дней его участники знакомились с советской столицей, с ее достопримечательностями, встречались и беседовали с москвичами. Они разъехались по домам, глубоко убежденные в искреннем миролюбии советского народа, в его страстном желании трудиться во имя процветания своей страны, на благо мира во всем мире.

Ю. ГЕНЕРАЛОВ,
специальный корреспондент
агентства печати «Новости»

НИИДЗИМА ХОЧЕТ МИРА

Еще недавно этот живописный японский остров привлекал туристов песчаными пляжами и сушеной рыбой «кусая», которую так вкусно приготовляли местные рыбаки. Сейчас здесь также много пришельцев. Но их тянет сюда не теплое море и не желание полакомиться вкусным блюдом. Они высадились на Ниидзиме, облаченные в военные доспехи, с оружием в руках и привезли сюда громады строительной техники. Они — это солдаты и полицейские, которые по приказу заокеанских генералов возводят здесь очередной ракетодром и протягивают взлетные дорожки.

Япония — территориально страна небольшая. Некогда это даже было своего рода козырем милитаристов, которые криками о нехватке «жизненного пространства» прикрывали империалистическую агрессию. Но времена изменились, а с ними и пропагандистская трескотня. Осталось неизменным лишь стремление правящих кругов страны проводить опасную политику антикоммунизма и военных блоков.

Теперь оказалось, что Япония обладает избытком некогда дефицитного для нее «жизненного пространства». Чем иначе можно объяснить, что нынешние правители Японии охотно раздают за американские доллары землю под строительство военных баз, которые сегодня покрыли тело страны, точно лишаи?

Однако планы зарвавшихся политиканов были спутаны простыми людьми Японии, которые не пожелали пассивно взирать на то, как их поля и пашни превращаются в бетонированные дорожки для атомных бомбардировщиков.

Эта крестьянка (фото 1) вряд ли знает такие слова, как «профсоюз» или «коммунизм». Но зато хорошо знает, кто несет ей голод и нищету. Вот почему она принимает участие в сидячей забастовке и с такой ненавистью смотрит на незваных гостей, которые пришли сюда, чтобы отнять у нее рисовое поле. Попробуйте, уважаемый премьер-министр Икэда-сан, убедить эту обитательницу Ниидзимы, что вы ратуете за ее же блага, стараясь уберечь от «коммунистической угрозы»!

Жители Ниидзимы не одиноки. Им на помощь пришли рыбаки и крестьяне из окрестных мест. На остров прибыли 400 посланцев рабочего класса и студентов из Токио (фото 2, 3). На собранные средства они доставили сюда строительные материалы, из которых воздвигли наблюдательные вышки (фото 4). Цель этого не совсем обычного строительства проста — вышки стоят на месте планируемого ракетодрома.

Что и говорить, легкие бревенчатые сооружения сами по себе не являются серьезной помехой для мощных бульдозеров и грейдеров, для сотен полицейских и фашиствующих молодчиков, которых согнали сюда для строительства военной базы. Но так же как невозможно остановить поток кипящей лавы, так нельзя заставить народ отказаться от борьбы за свои права.

Пять лет бурлит вулкан борьбы на этом маленьком японском острове. Ниидзима не желает превращаться в ракетодром!

М. ЕФИМОВ

ТРУД СОЗИДА

Никос КИЦИКИС,
депутат парламента Греции, профессор Афинского университета

Оказывается, я был очень наивен. За несколько недель я захотел получить полное представление о таких делах, подобных которым не знал мир. Естественно, что это оказалось невозможным.

Но все же на своем пути по Советскому Союзу, который составил ни много ни мало пять тысяч километров, я смог увидеть многое. И в какой-то мере я утолил свою жажду знать, как становятся реальностью планы экономического развития Советской страны. Я увидел, какой зрелости достигла страна, готовая начать путь к окончательной цели, поставленной Октябрьской революцией,— к коммунизму.

В каждом городе перед моими глазами вставали новые кварталы домов для рабочих, и строительство жилых домов продолжается повсюду. Я видел, как работают на будущее турбины одной из крупнейших в мире гидроэлектростанций у Сталинграда. В Воронеже я познакомился со строительством атомной электростанции, которая будет последним словом в технике использования атомной энергии для мирных целей. Я был на металлургическом комбинате в Запорожье, где рабочие поистине творят чудеса, и на шахте под Сталино, которая дает превосходный уголь, на машиностроительных заводах Москвы и Ленинграда.

Все созданное — дело рук людей труда. Им, советским рабочим, их жизни, какой она предстала передо мной, посвящается эта статья. Я должен только заметить, что мой рассказ, может быть, не будет новым для читателей «Огонька». Ведь они сами живут в социалистическом обществе, и все происходящее здесь им привычно и знакомо. Но я приехал из другого мира, который живет по другим законам.

Разговаривая на шахте с рабочими, я спросил у одного из них:

— Можете ли вы представить себе, что у вас не будет работы?

Тот посмотрел на меня удивленно и сказал:

— Не понимаю...

А в моей стране сорок процентов тружеников либо находят только временную работу, либо не находят ее совсем. Жизненный уровень и национальный доход в Греции одни из самых низких в Европе. В экономическом развитии страны главную роль играют интересы небольших групп людей, и оно ничего не приносит народу.

Одно из самых поразительных достижений социализма—это распространение образования среди народа в таком масштабе, что рекорд неграмотности, которым «славилась» царская Россия, сменился рекордом образованности. И это дает советским людям право идти в авангарде всех культурных народов и делает их способными творить чудеса в науке.

В Советском Союзе учеба стала страстью. Учатся все. И прежде всего рабочие. Почти каждый из тех, с кем я встречался, либо учился, либо собирался учиться. Я видел рабочих, даже немолодых уже, которые вечерами садятся на студенческую скамью.

Одному из них было 37 лет. Я взял карандаш и написал задачу по высшей математике. Задача была нетрудная, он решил ее сразу и сказал:

— Это пустяки. Можно было бы и посложнее.

По моему мнению, одна из причин успехов социализма заключается как раз в распространении всеобщего образования, особенно среди рабочих.

Сочетание физического и умственного труда и на производстве и в учебных заведениях создало новый тип рабочего, неизвестный капиталистическим странам. Социалистическое общество стало благодаря этому новому типу человека обществом созидателей. В Запорожье на металлургическом комбинате мне сказали, что за восемь месяцев этого года рабочие внесли три тысячи предложений, чтобы улучшить производство.

И снова контраст: капиталистические страны, где образование — привилегия немногих, и Советский Союз, где оно — право каждого человека и каждый пользуется этим правом.

Если кто-нибудь захочет искать

Целинный край. Уверенно управляют люди советской деревни могучей техникой, пришедшей на поля.

Труд стал радостным творчеством для советского человека. Фото А. Узляна.

ТЕЛИ

Фото К. Нуртазина (ТАСС).

«секреты» поразительного подъема экономики Советского Союза, «тайны» успехов в космосе и на Земле, он не обнаружит ни «секретов», ни «тайн». Причины ясны: это — образование и превращение каждого члена общества в созидателя.

Но, кроме этого, есть и другие важные факторы: коренное улучшение и облегчение условий труда советского человека, сокращение рабочего дня, замена тяжелого труда трудом машин и постепенный переход к автоматике.

Успешно решается жилищная проблема. Для рабочих уже созданы такие жилищные условия, которые превосходят то, что имеет рабочий в капиталистической стране. И строительство домов развертывается все шире, чтобы каждая семья получила отдельную квартиру, отвечающую всем требованиям гигиены и культурного быта. Размах этого строительства необычайный. В Киеве, например, один из архитекторов рассказал мне, что там будет построен «второй Киев»!

Самое дорогое в социалистическом обществе — человек. И забота о нем видна повсюду. Вот один из примеров: в том же Киеве я посетил квартиру рабочего в новом доме. Этот визит вовсе не входил в мою программу. Встреча была случайной, и рабочий сам пригласил нас к себе. Он рассказал, что недавно попал в уличную катастрофу и два месяца пролежал в больнице. Лечили его бесплатно, и все два месяца он продолжал получать заработную плату. Я и раньше бывал в Советском Союзе и мог убедиться, что здоровье человека — это одна из главных забот социалистического государства. Рассказ киевского рабочего был еще одним доказательством этого.

Широкая сеть медицинских учреждений и новые квартиры, шестичасовой рабочий день для шахтеров, занятых нелегким трудом, и вечерний техникум прямо на заводе, чтобы рабочему было легче получить образование,— все это забота о человеке труда.

На ваших заводах дело охраны труда вверено профсоюзам, но думают об этом все. В Сталино на шахте ее руководители даже сказали мне так: «Сначала — охрана труда, а потом — производственный план». Не удивительно, что отношения между администрацией предприятий и рабочими в Советском Союзе прекрасны. Ведь у них одна цель.

Я уже сказал, что в социалистическом обществе сформировался новый тип рабочего. Естественно, что у такого рабочего сложилось новое отношение к труду. Хозяин своего труда, он сознает важность его и видит, что результаты труда идут на его же собственное благо.

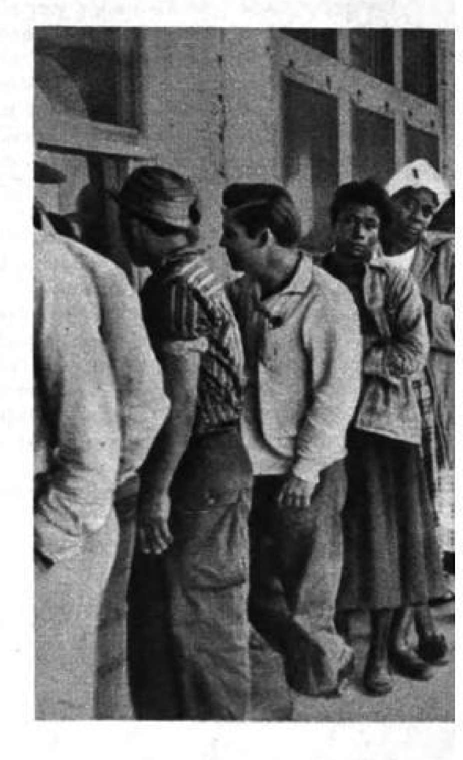
Труд в социалистическом обществе — это труд, который создает счастье.

Виновник? Капитализм!

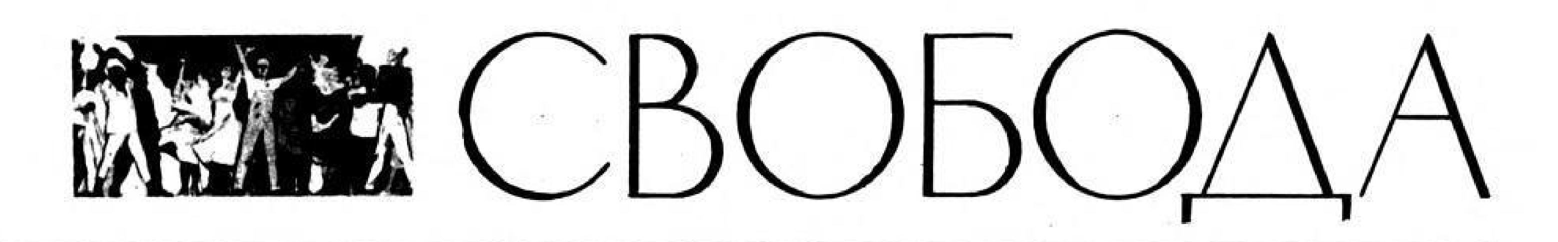
«Труд выше капитала и заслуживает гораздо большего уважения» — эти слова принадлежат великому американцу Аврааму Линкольну. Сегодняшняя американская действительность растоптала благородные заветы президента.

Как издевательски звучат слова «труд выше капитала» для миллионов безработных, выстаивающих долгие часы в очереди за нищенским пособием или благотворительной похлебкой! Люди хотят трудиться, они умеют строить дома и убирать хлеб, делать станки и автомобили. Но для них нет работы. Нет, и неизвестно, будет ли. Виновник? Капитализм!

Взгляните на второй снимок, который мы публикуем. Этому южнокорейскому рабочему «повезло». Половина трудящегося населения многострадальной страны, превращенной в вотчину американских монополий, не имеет работы. Человек, изображенный на фотографии, нашел ее. Он носит песок на строительстве американской военной базы, одной из тех, что опутывают Южную Корею ядовитой паутиной. Труд за колючей проволокой — вот «высшее благо», которое даровал ему строй, проклятый людьми и историей.

Воздух Родины

Н. ХРАБРОВА

Удивительно: просыпаешься утром, и вокруг тебя другая жизнь. Другое солнце — светлое, нежаркое. Другой воздух — легкий, с чуть влажным запахом листвы. Другой город — с чистыми, без единой соринки, улицами, с нормальным, здоровым, нелихорадящим пульсом жизни. И другая речь — ласковый, как колыбельная песня, язык матери и детства, язык родного народа, полузабытый язык, на котором так редко приходилось говорить за минувшие двадцать лет...

Море... Море! Да-да, вот так и снилось оно, так и вспоминалось: город, как каменный корабль, врезается в темные воды залива, и на высоком шпиле кирки Олевистэ, как на каменной мачте, вымпелы облаков. Здесь под шум волн вспоминается отец — шкипер Аугуст Вески; образ его смутен, потому что отца никогда не было дома, вернее, не было с ними, потому что ведь именно море и было его домом. И ему, Леонарду Вески, десять поколений его предков — лоцманы и матросы, рулевые и гребцы и просто рыбаки, десять поколений жителей острова Хийумаа, на котором и он родился,— завещали профессию моряка. С четырнадцати лет плавал юнгой, потом учился и в двадцать три года стал капитаном небольшого торгового судна, плававшего под флагом буржуазной Эстонии. Что ж, начиналась буржуазная государственность неплохо: лозунги независимости и свободы принимались за чистую монету. Многого не замечал он тогда, а о многом просто недосуг было думать. Только позднее, повидав весь мир, стал понимать — смешная эта независимость: от кого только не зависела в те годы Эстония! От банков Америки и от рынков Англии, от промышленников Швеции, и химических концернов Германии, и от всех, кто хотел или не хотел с Эстонией торговать. А свобода? Тюрьмы были переполнены рабочими, и судебные антикоммунистические процессы шли один за другим. На память об этой свободе осталась книга коммуниста Виктора Кингисеппа: «Кому — независимость, кому — иго».

Что же она такое, свобода? Может быть, вот это ощущение слитности с родной землей, с воздухом, солнцем и морем, эта наполненность звуками родной речи и есть начальное ощущение свободы, такое же естественное, как биение сердца, и извечное, как дыхание? Да, конечно.

Но ведь на вопрос своих старых знакомых, приехал ли бы он сюда, если бы государственный строй оставался буржуазным, он решительно ответит: «Нет!»

...1940 год, когда в Эстонии была восстановлена Советская власть, застал Леонарда Вески в далеких, чужих водах. На корме все еще развевался сине-черно-белый флаг буржуазной Эстонии, в трюмах лежали шведские товары, а у судна был уже другой хозяин — английский пароходчик. И Леонард Вески стал плавать под флагом Англии.

Хильду, эстонскую девушку, приехавшую в Англию в 1939 году, чтобы совершенствоваться в английском языке (она хотела стать преподавательницей), он встретил в конце войны. Хильда работала официанткой в кафе. Удивительно хорошо она понимала его, и так легко было говорить с ней на родном языке. Она стала его женой.

...Туманы, туманы, туманы... На смену им дожди. Эмигранты, понаехавшие из Эстонии в Англию в 1945 году, зябко поднимали воротники и жаловались, жаловались на все: на дороговизну, на климат, на неприветливость англичан. Зато Америка улыбалась из-за океана широко, белозубо и многообещающе, будто звала: «Я многим стала второй родиной, могу быть и тебе, Леонард Вески».

У него были деньги, скопленные за годы плаваний. И он решился: Америка так Америка! Поселились в солнечной Флориде, в Майами. Свой домик, американское подданство — разве это не счастье, разве это не свобода в самом «свободном» из государств? — конечная мечта эмигрантов!

Только вот капитанов дальнего плавания там было более чем достаточно. С морем пришлось проститься... Работа все же нашлась — он стал надсмотрщиком за служащими и за хозяйством одного миллионера. Миллионер на жалованье особенно не скупился, но он ужасно боялся воров! И потому не давал своему надсмотрщику ни одного дня отпуска, хотя денежную компенсацию и выплачивал. Но ведь вместо свободы получалось полное порабощение! И Леонард Вески решил уволиться от миллионера. Тот, кто ни разу не увольнялся от миллионеров, плохо представляет, что это такое. Долго рассказывать, но в этом случае лучше всего переехать в какой-нибудь другой город. И Леонард Вески с семьей, продав дом, переселяется в Нью-Йорк. Работу здесь найти трудно. Но ведь есть же какие-то конторы, которые за известную плату помогают устроиться. И действительно, он устроился с помощью такой конторы. Но через месяц его уволили. Он кинулся в контору благотворительности: «Что же это такое?!» Ему елейно напомнили: жизнь — сложная штука, в ней не все как по маслу, бывает и невезение... Другая работа есть, конечно... Но без денег ничего не делается. Так Леонард Вески попал в заколдованный круг «рэкета» — гангстерской организации, которая, вымогая деньги, выбрасывает простака с одной «работы» на другую, увольняя через две-три недели. Жаловаться неко-

Здесь, за «чертежным комбайном» «Эстпромпроекта», можно не бояться ни увольнений, ни сокращений — работы хватит. Фото Д. Ухтомского.

му: полиция получает мзду от боссов «рэкета» за невмешательство.

Вырвавшись кое-как из «рэкета», с помощью знакомого он поступил в банк. Но банк лопнул, и он снова остался без работы. И снова устроился — видно, ему на роду было написано узнать все ступени трудоустройства в «свободном мире». На этот раз он стал работать чертежником в большой фирме, проектирующей электростанции. Работа была не бог весть какой, но... вскоре и ее не стало: он уволен по сокращению штатов.

Что ж, можно ведь и так жить — находить и терять работу, быть сытым, когда она есть, и голодным, когда нет... Так живут многие, очень многие в этом «свободном мире». Но дети! Они подрастают. Значит, и им так же придется увольняться и снова наниматься, и, может быть, им никогда не удастся узнать счастья работать по призванию. Так и дышать им воздухом Бруклина, смотреть гангстерские фильмы и слушать завывания джаза? Так и считать всю жизнь, что вершина личной свободы — это свобода от всяких моральных устоев, вплоть до того, что ты «свободен» убить и ограбить человека?

Нет, довольно.

Отъезд был секретным и похожим на бегство.

«Прошу ускорить получение визы,— писал он в заявлении правительству Советской Эстонии.— Если здесь будут знать, что я связан с советским посольством в Вашингтоне, мне придется плохо».

...Просыпаешься утром, и нежаркое солнце светит в твое окно, и свежий ветер доносит к тебе чистые запахи моря и зелени. По обновленным улицам родного города идешь на работу. Что ж, можно написать друзьям, оставшимся в Америке: нет, это не было «красной пропагандой»: работы здесь достаточно, и люди, умеющие трудиться, тут очень нужны. Именно здесь, в Советской Эстонии, после большого перерыва он снова вернулся к морским делам: ему предложили преподавать навигацию в техническом училище, готовящем кадры для рыболовного флота. Занятия в училище бывают по вечерам, и на дневные часы он взял еще одну работу — должность инженера-чертежника в проектном институте «Эстпромпроект». Кто бы мог подумать, что в маленькой Эстонии идет такое крупное промышленное проектирование! «Эстпромпроект» делает сейчас для эстонской промышленности двести проектов новых предприятий! А заказы поступают и поступают — и это тоже не «красная пропаганда». Здесь есть постоянная возможность получить работу, и оттого, что она есть, человек всегда уверен в завтрашнем дне. И это прежде всего и есть свобода. И уверенность эта совсем особая: завтрашний день не просто будет таким же, как сегодняшний, а он будет обязательно лучше. В этом завтрашнем дне будет жизнь, зажиточная для всех, а не для некоторых. Для всех — право на труд, на отдых, на образование, на книги, на уют в домах, на новые квартиры. Одна из этих новых квартир, трехкомнатная, в новом доме на улице Кингисеппа, в самом центре Таллина, предназначена и для него, репатрианта Леонарда Вески.

Появилась в его жизни и еще одна твердая уверенность — это уверенность в будущем сыновей. Прямо удивительно, как быстро мальчики освоились с новой жизнью. У них уже много друзей — хороших советских мальчишек, умеющих учиться, влюбленных в книги, и в спорт, и в героические фильмы, мечтающих о путешествиях по земле и о полетах на Луну, а не о налетах на банк.

Старший сын, Велло, недавно вступил в комсомол. Это было, пожалуй, самым важным семейным событием последнего времени: сын вступил на путь, по которому он всегда, в дни радостей и в дни испытаний, будет идти вместе со своим народом.

А свобода от страха за детей, уверенность в их разумной жизни — это тоже какая-то сторона свободы, к которой должен стремиться каждый живущий на земле человек.

Трудно рассказать о цельном чувстве свободы — и обретенной и узнанной заново. Ведь есть такие у нее черты, о которых человек, живущий здесь, просто не думает, не замечает их: они для него, как воздух, солнце и море, привычны и повседневны. Но лишишься их — и только тогда оценишь. Как-то в Министерстве иностранных дел республики Леонарду Вески показали пачку заявлений. Их написали те, кто выехал из Советской Эстонии в Америку, Канаду, Швецию, Австралию в надежде встретиться со своими детьми, мужьями и женами, с теми, с кем разлучила война. Короткие строки их заявлений о возвращении на родину — это и есть самые простые, самые человечные описания нашей свободы, незаметной прежде, а там, на чужбине, ставшей такой желанной.

Безработный Александр Лембер из Америки пишет лаконично: «Я по горло сыт буржуазной демократией!»

А Тамара Муллагт увезла с собой из Чикаго свою внучку Хелину. Отец Хелины — негр, и девочка похожа на него. В Чикаго ее не пускали в детские учреждения белых, и в трамвае для белых с ней нельзя было появляться. Для женщины, жившей в Советской Эстонии, это казалось диким и нестерпимым. И вот маленькая Хелина с бабушкой — в Эстонии. Что ж, не один гонимый ребенок находил свободу в Советской стране!

Вильхельмине Ратассепп пишет дочери:

«На родине, когда я заболевала, я шла в поликлинику, и врачи были внимательны ко мне. Здесь же мне постоянно напоминают, что визит к врачу стоит пять долларов. Мне помогают только те лекарства, которые я привезла с собой из Эстонии. Доченька, попроси Советское правительство, чтобы мне разрешили вернуться на родину».

Иоханна Виибур:

«Теперь я здесь уже вполне нагляделась и знаю, что никогда не освоюсь с этой чужой для меня жизнью».

Можно привести много таких строк. За ними — бесхитростные мысли и чувства простых людей. Но если вдуматься в них поглубже, то и в этих строках найдешь черты нашей свободы, потому что она многогранна и не выдумана.

Расисты, духовные братья Генри Гарретта, сожгли автобус, в котором ехали участники «рейса свободы».

ГЕНРИ ГАРРЕТТ, ПРОФЕССОР МРАКОБЕСИЯ

Банды белых расистов в американском штате Вирджиния вооружены для расправ над неграми дубинками, ножами и ружьями.

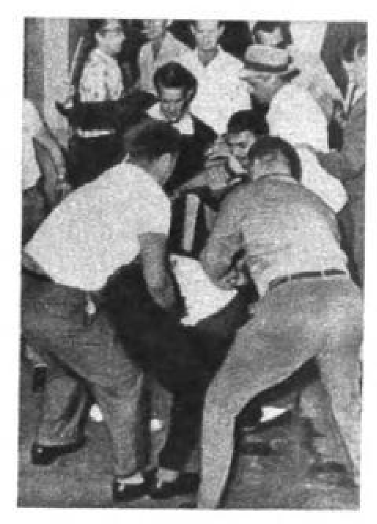
Генри Гарретт, профессор психологии в Вирджинском университете, вооружен только пером. Но это единственное, что отличает его от погромщиков. В остальном между вирджинским «ученым» и расистскими бандитами существует полное сходство.

Недавно на страницах журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» Генри Гаррет выступил с «научными» рассуждениями на тему равенства белых и черных и блестяще доказал, что он вполне может претендовать на пост главаря куклукс-клана.

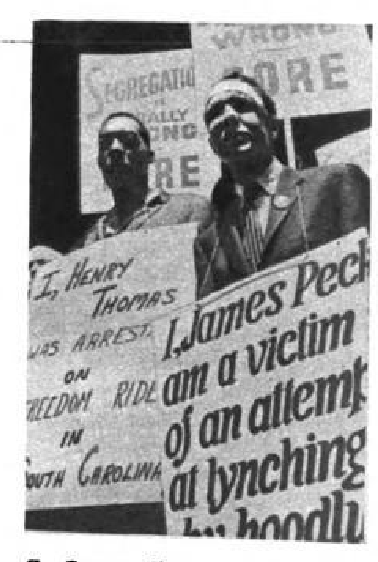
Свою статью он начал с воспоминания о том добром старом времени в Соединенных Штатах, когда «негра всюду рассматривали как существо, менее одаренное интеллектом и более ленивое, чем белый, существо, которому не хватает основных черт честности и надежности». Потом он обрушился на всех сторонников «догмы равенства», назвав ее «научным обманом нашего столетия». Особенно вознегодовал профессор на коммунистов, «которые, несомненно, помогли в распространении и принятии этой догмы». В заключение он гордо причислил себя к сторонникам тех, кто считает «расовые различия в умственных способностях — и, может быть, в характере — врожденными и генетическими».

К счастью для белой расы, никто не станет судить о ее умственных способностях по умственным способностям Генри Гарретта. Но сделать вывод о том, что расистское мракобесие в Соединенных Штатах, дискриминация и преследования негров покоятся на «научных основах», можно и должно. Не случайно же у вирджинского профессора в его послужном списке значится, что он занимал высокие научные посты: он был главой отделения психологии в Колумбийском университете и руководил Американской ассоциацией психологии в качестве ее президента.

Образованный мракобес с врожденной расистской идеологией процветает в США, в то время как для многих темнокожих детишек закрыта дорога к образованию, потому что расисты не хотят допустить отмену сегрегации в школах, в то время как участников «рейсов свободы» бросают в тюрьмы! Это и есть «равенство» в капиталистической Америке.

За то, что он негр...

«Я, Генри Томас, был арестован за участие в «рейсе свободы». «Меня, Джеймса Пека, пытались линчевать».

ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ

Ю. ЮРОВ

Люди, которым посчастливилось встречать Ленина на Финляндском вокзале в Петрограде в знаменательный день его возвращения из эмиграции в Россию, отчетливо сохранили в своей памяти один из самых волнующих эпизодов исторического события: Ильичу, горячо приветствуемому многочисленными делегациями рабочих, красноармейцами, солдатами, матросами, вручают партийный билет № 600 Выборгской районной организации большевиков Петрограда.

Выпала эта честь, как теперь установлено, Ивану Дмитриевичу Чугурину, секретарю райкома. Профессиональный революционер, он был в мае 1911 года командирован в школу для партийных работников во Францию и там в местечке Лонжюмо день за днем слушал лекции Ленина по политической экономии, аграрному вопросу, теории и практике социализма. Сарай во дворе одного французского крестьянина был аудиторией, где в десять часов утра неизменно появлялся с марксовым «Капиталом» в руке Владимир Ильич.

Прошло шесть долгих лет. И, встретившись на перроне вокзала, учитель и ученик сразу узнали друг друга.

Известны и обстоятельства, при которых партийный билет № 600 был выписан на имя Владимира Ильича.

Выдача партийных билетов в Петроградской партийной организации началась еще в марте. У каждого райкома была своя нумерация документов. После выхода партии из подполья Выборгский райком успел уже выдать пятьсот девяносто девять билетов, когда членов райкома осенила мысль: Ленина можно ждать в Петрограде со дня на день. Партийный билет № 600 надо сохранить для него.

Так 3 апреля семнадцатого года на площади Финляндского вокзала в Петрограде Ленину, стоявшему на броневике, был вручен партийный билет. А воскресным майским днем этого же года партийные активисты Выборгской стороны увидели Владимира Ильича в своем райкоме. Он пришел сюда вместе с Надеждой Константиновной Крупской, чтобы уплатить членские взносы.

Один из старейших членов нашей партии, Николай Федорович Свешников, и ныне живущий в Ленинграде, тогдашний «нештатный» казначей райкома, на всю жизнь запомнил мельчайшие подробности оживленной, душевной беседы выборжцев с Владимиром Ильичем.

...Глубоко волнующие эпизоды встречи питерцев с Лениным вновь приходят на память в наши дни, когда девять с половиной миллионов коммунистов Советской страны плечом к плечу сомкнутым строем идут к XXII съезду партии.

Велика честь быть коммунистом. И глубокого смысла полна для члена партии скромная красная книжечка, что бережно хранит он, красная книжечка, олицетворяющая одновременно и мудрость ленинских идей, и гигантский опыт, накопленный партией, и ее непреклонную волю — построить первое в мире коммунистическое общество. В ней сама душа коммуниста, его совесть и честь.

Взгляните на партийные билеты старейших коммунистов. Вы увидите на документах разные даты вступления в партию, но многие из них выданы в марте 1917 года. Тогда же получила его и Елена Дмитриевна Стасова, член партии с 1898 года. Она рассказывала нам, как в марте 1917 года получала свой партийный билет. По шутливому выражению Елены Дмитриевны, первые билеты, которые выдавались коммунистам сразу после выхода партии из подполья, имели довольно «первобытный» вид.

Известно, что своеобразные партийные билеты появились в Петроградской партийной организации уже в 1905 году. Работники столичного Музея Революции, побывавшие в Красноярске, привезли оттуда один из членских билетов Красноярского комитета РСДРП, выданных в годы первой русской революции.

— Это понятно,— сказали нам старые большевики, работавшие в те годы в Сибири.— Пятый год... Ну да... Красноярская республика... Все ясно...

Тогда, чтобы добраться до первоисточника, мы связались по телефону с Красноярским музеем. Оказалось, что там экспонируются документы членов Красноярской организации РСДРП, документы, выданные в 1905—1907 годах. И все подлинные!

На этих партийных билетах, более чем скромных по своему внешнему виду, есть оваловидная печать Красноярского комитета РСДРП и проставлены номера. Вот они: 86, 356, 470. Разумеется, что в данном случае речь идет лишь о прообразе будущего партийного билета, о партийном документе, родившемся в дни Красноярской республики.

Вплоть до сентября двадцатого года каждая местная организация выдавала коммунистам билеты установленной ею формы и образца. Один вид у билета, выданного коммунисту в Петрограде, другой — у москвича, третий — у новгородца, четвертый — у ковровца, пятый — у уральца... Бывало и так, что не походили друг на друга и партийные билеты, полученные в разных районах большого города. В войсковых частях были свои партийные билеты. Некоторые из них содержали и памятки, служившие напутствием коммунисту в суровых условиях гражданской войны.

Лишь со второй половины двадцатого года по решению IX съезда партии вводится система единого партийного билета. При этом выдвигается главная задача — «правильно распределить и поставить на партийную работу все шестьсот тысяч членов партии, входящих в ее ряды».

Огромный интерес представляет и поныне «Инструкция организациям РКП (большевиков) о едином партийном билете», разработанная тогда Центральным Комитетом.

«Удостоверением действительного состояния членом Российской Коммунистической партии служит партийный билет»,— говорилось в первом пункте этого документа.

Партии крайне важно было тогда всесторонне использовать каждого из шестисот тысяч коммунистов, все его знания, умение, практический опыт для восстановления народного хозяйства. В инструкции приводился наглядный пример учета всех специальностей, какие данный член партии знает:

...1. Учитель, знает садоводство и бухгалтерию.

2. Токарь по металлу, знает маслоделие и коневодство.

3. Техник-строитель, знает канцелярское дело.

Предельной деловитости требовала инструкция при заполнении каждой графы, в том числе и относящейся к прошлой подпольной деятельности, советской и партийной работе.

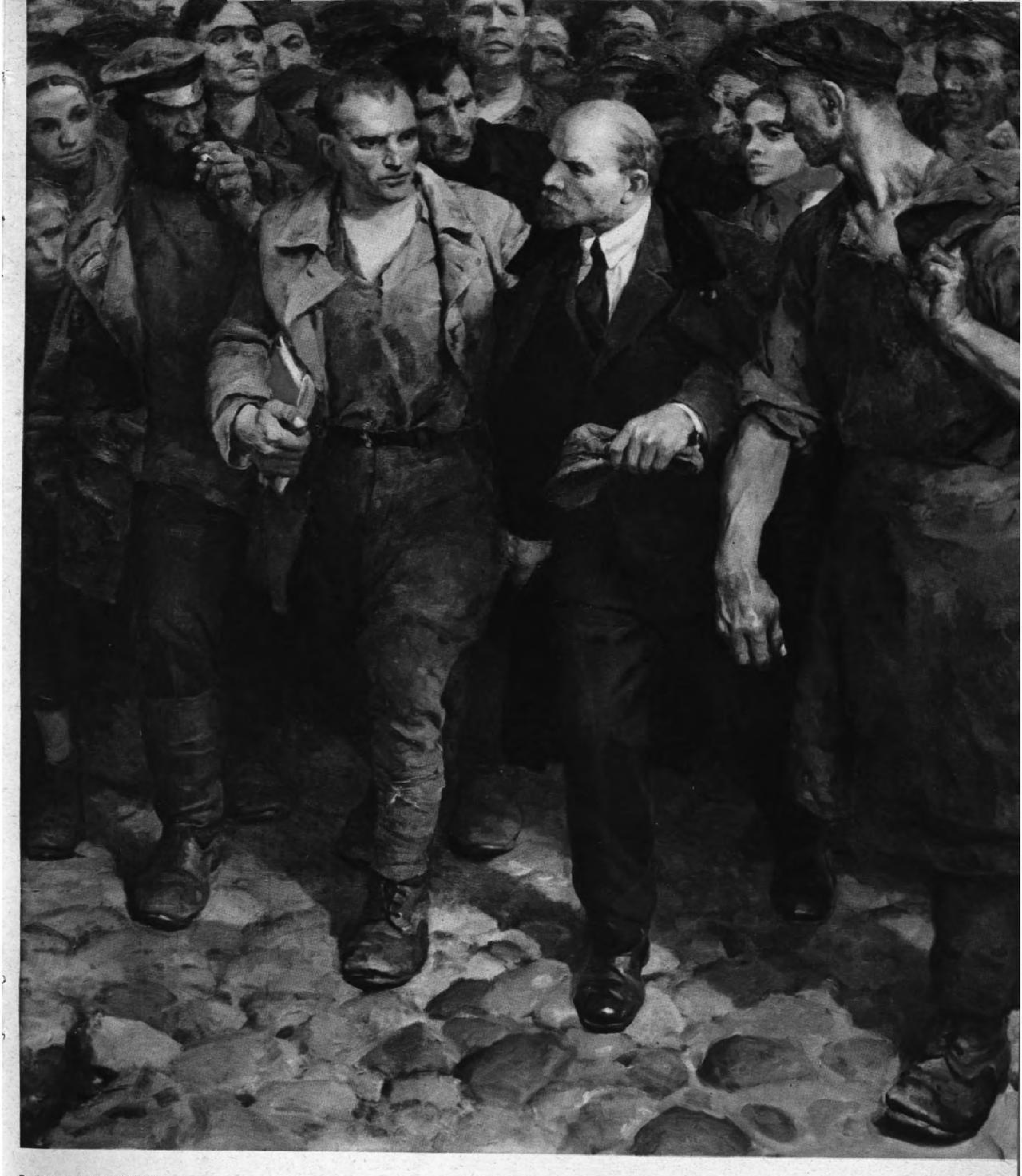
...«Краткие сведения о прежней революционной деятельности до выдачи билета,— говорилось в инструкции,— должны характеризовать товарища, как работника и революционера, но графа отнюдь не должна быть заполнена личными переживаниями...»

17 сентября 1920 года в связи с получением единого партийного билета Владимир Ильич заполнил анкету для перерегистрации членов Московской организации РКП(б). На вопрос о политиче-

СТРОКИ, ВЕДУЩИЕ В ЗАВТРА

Владимир ФИРСОВ

Верой в счастье окрашен,
Над мраком восстав,
Правдой Партии нашей
Рождался Устав.
Люди знали, что скоро
Час победы пробьет...
С первым залпом «Авроры»
Коммунисты шагнули вперед.
В громе пушечных залпов,
В непреклонной борьбе
Люди светлое Завтра
Приближали к себе.
Люди мерзли в окопах,
На фронтах трудовых.
С удивленьем Европа
Взирала на них.
И тропой каменистой,
Тропою борьбы
Их вели коммунисты,
О смерти забыв...
Вспоминаем нередко
Незапамятный год,
Первый год пятилетки,—
Коммунисты шагнули вперед.
Днепрогэс и Магнитка —
Не по воле судьбы —
Это было открытым
Продолженьем борьбы.
Это было парадом
Нашей вольной земли,
Это — Партии правда,
За которой мы шли...
Мы покоя не знали —
Так велела страна.
Но откликнулись дали
Черным словом — война!
Память, вечная память
Погибшим в боях,
Но, как прежде, вы с нами
В наших новых делах.
Вы по-прежнему с нами
На века, до конца.
В нашей новой Программе
Бьются ваши сердца.
Слава, вечная слава!..
Время быстро идет.
И опять по Уставу
Коммунисты шагнули вперед.
Нет, не зря его строки
Появились на свет,—
Будут новые стройки
Продолженьем побед.
И Гагарин с Титовым
Вышли с ними в полет.
Мир глядит, зачарован,—
Коммунисты шагнули вперед.
На дозорных заставах,
На переднем краю
Будут строки Устава
Как поддержка в бою.
Эти строки —
Ракеты,
Что умчатся, пыля,
На другие планеты
С планеты Земля.
Эти строки —
Колонны
Наших славных бойцов,
Что идут непреклонно
По дорогам отцов
И по первой тревоге
Встанут грудью за жизнь...
Эти строки —
Дороги,
Что ведут в коммунизм!

В. Серов. С ЛЕНИНЫМ.

«Огонек».

ИМ СТРОИТЬ КОММУНИЗМ, ИМ ЖИТЬ ПРИ КОММУНИЗМЕ!

Эта молодежь работает на Первом государственном подшипниковом заводе. Справа налево: наладчик Алексей Кузнецов, слесарь Юрий Конюшков, техник Валерий Викторов, техник Нина Булыгина, инженер-технолог Римма Васильева, инженер-конструктор Семен Левитин, слесарь Герман Кириллов.

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

ских репрессиях Ленин отвечает, сокращая каждое слово: «Середина — 1887 г. (несколько дней); середина — 1885—1887 гг. (14 месяцев и высылка на 3 года в Сибирь). В 1900 — (несколько дней)».

Как еще более скромно, сдержанно можно было сказать о революционной деятельности вождя, чем это сделал Ленин, подорвавший свое здоровье в царских тюрьмах и ссылках!

«В чем выражалось ваше участие в Февральской революции?» — спрашивалось в анкете. «Кроме общепартийной работы ни в чем», — ответил основатель партии.

Всему миру известна историческая роль Ленина в решающем штурме твердынь капитализма. На вопрос же анкеты об участии в Октябрьской революции Ильич коротко ответил: «Член ЦК».

В анкете содержался и такой вопрос: «Подвергались ли партийному суду, когда и за что?» Владимир Ильич, неустанно разоблачавший предательство меньшевиков, отстоявший единство большевистской партии, ответил следующими словами: «Меньшевиками в РСДРП при расколах».

Анкета была довольно пространной. Только основных вопросов в ней насчитывалось сорок пять. Но Ленин и на этот раз, как всегда, не делал для себя никаких исключений и давал на все вопросы лаконичные и в то же время исчерпывающие ответы.

«На какие темы приходилось вам выступать перед рабочими и крестьянами или читать лекции?»

«Большей частью на политические», — отвечает Ленин.

«Пишете ли статьи в газеты?»

«Редко, на политические темы».

Содержался в анкете и вопрос, который был поставлен, что называется, в лоб:

«Какие документы или удостоверения имеются у вас, указывающие на ваше пребывание в нашей легальной партийной организации?»

И на этот вопрос следует полный глубокого смысла короткий ответ:

«История партии — документ».

Кто не знает о том, что Ленин выступал на конгрессах Коминтерна и беседовал с делегатами на немецком, английском и французском языках, читал по-польски и итальянски, понимал чешский и шведский языки! А на вопрос анкеты: «На каких языках, кроме русского, говорите, читаете, пишете?» — Ленин знакомым всем нам бисерным почерком написал: «Французский, английский, немецкий: плохо все три».

Владимир Ильич пришел в Замоскворецкий райком партии, помещавшийся на Пятницкой улице в Москве, и получил там свой партийный билет единого образца. И как же досадовали потом на себя те работники райкома, которых не оказалось в тот момент на месте!

К слову сказать, на учете в партийной организации Замоскворецкого района города Москвы Владимир Ильич состоял до последних дней своей жизни. 16 марта 1927 года Замоскворецкий райком выписал на имя Ленина посмертно партийный билет № 1.

В первом партийном билете единого образца, содержавшем 33 страницы, постоянному контролю и учету подвергались выполнение коммунистом его служебной и общественно полезной деятельности, практическое участие в партийной жизни.

По указанию Центрального Комитета партии в городах по истечении месяца каждый коммунист являлся к секретарю районного или городского комитета со своим партийным билетом для отметок в нем. Тут же проверялась соответствующая графа исполнения коммунистами их обязанностей, в частности, посетили ли субботники, общие собрания, и, как того требовала инструкция, делались «соответствующие замечания об уважительных или неуважительных причинах манкировок».

Пример выполнения партийных обязанностей, как всегда, показывал Ленин. Бывал, как известно, Владимир Ильич и на субботниках. На одной из страничек партийного билета Ленина мы видим очередную отметку секретаря партийной ячейки Совнаркома: «Выполнял все поручения ЦК РКП(б)». Такие отметки секретарь ячейки делал в ленинском партийном билете ежемесячно.

На одной из страничек ленинского партбилета можно прочесть фамилию А. И. Широкова, расписавшегося в приеме членских партийных взносов у Владимира Ильича. Я отыскал Алексея Ивановича, работавшего в ту пору казначеем Кремлевского подрайкома партии. Он рассказал мне, как однажды, находясь в подрайкоме, услышал доносящийся из передней комнаты знакомый голос Ильича:

— Скажите, пожалуйста, кто здесь принимает членские взносы?

— Это меня касается, — отозвался Широков и собрался было подняться со стула, как его уже опередил Ленин.

— Здравствуйте, — поздоровался Владимир Ильич с казначеем и протянул ему свой партийный билет, в котором уже заранее были приготовлены деньги. Выполнив свой долг, Ильич, как всегда, сердечно попрощался с товарищами и ушел по своим делам.

Сохранился первый партийный билет единого образца Рубена Ивановича Абгарова, ныне персонального пенсионера союзного значения, выданный ему политотделом Первой конной армии 25 ноября 1920 года (№ 759165). Вот записи, сделанные в этом билете... Декабрь двадцатого года: «Отряд особого назначения. Субботники... Проведено собрание красноармейцев полевого штаба Первой конной армии. Делегат на VIII съезд Советов... Делегат на первую конференцию красноармейцев Первой конной армии».

И еще одна запись — март 1921 года. В графе «Партийные обязанности» написано: «Непрерывные бои на фронте, не было возможности устраивать субботники и митинги... Проведено несколько собраний в ротах...»

От ветеранов нашей партии новым поколениям коммунистов передаются славные традиции собранности, организованности, скромности, беспредельной преданности делу коммунизма.

Партийный билет вручен. Армия коммунистов пополнилась еще одним бойцом. Секретарь партийного комитета завода «Серп и молот», делегат XXII съезда КПСС И. Д. Новиков (слева) поздравляет молодого коммуниста, вальцовщика стана «250» А. И. Денисова.

Фото Дм. Бальтерманца.

Партийный билет № 284552

Подразделение Московской организации и кодов Замоскворецкого района

Фамилия Ульянов Ленин

Имя Владимир

Отчество Ильич

Год рождения 1870 г.

Личная подпись владельца билета

Место для печати

Подпись и печать удостоверяет

Член президиума Ю. Твицкий

Социальное положение политический деятель

Родной язык русский

Образование высшее

Какие специальности знает литератор

Военная подготовка не проходил.

На каких языках говорит по-французски, немецки, английски, рус.

Какие местности России знает хорошо Поволжье

Был ли за границей и где в Швейцарии, Герман., Франц., Англ., Галиции

Семейное положение (число чл. семьи на иждивении) женат

3 человека на иждив.

Партийный билет В. И. Ленина (страницы 1—2).

Время вступления в партию 1893.

Какой организацией принят основатель РКП.

Репрессии за парт. работу, когда, какие 1887 г. арест и высылка из Казани 1895—1897 г. арест и высылка в Вост. Сибирь

Состоял ли в других партиях, какия, когда, где —

Основание зачисления в организацию — — —

В каких профсоюзах состоял до выдачи билета —

Секретарь Ю. Твицкий

1921 г. Январь.

Выполняемая работа по постоянной и временным должностям (парт. сов. и проч.) Председатель Совнаркома и Совета Труда и Обороны

Исполнение партийных обязанностей (отр. особ. назн., субботники, собрания, митинги и проч.)

Все поручения ЦК РКП.

Секретарь яч.

Месячный заработок 13500

Членский взнос.

Рубли	Коп.
130	—

Подпись секретаря

Партийный билет В. И. Ленина (страницы 3—4).

Недавно мне довелось побывать в парткоме московского завода «Серп и молот». Было это в то субботнее утро, когда партийные документы вручали молодым коммунистам. Получал билет и замечательный прокатчик, подлинный виртуоз своего дела Анатолий Илларионович Денисов.

Я спросил его, когда он впервые в своей жизни увидел партийный билет. Анатолий Илларионович рассказал любопытную историю. Он был еще школьником, и случилось это в тот год, когда его отец, Илларион Гаврилович, председательствовал в колхозе. Как-то, переодеваясь, Илларион Гаврилович вынул из кармана и положил на стол небольшую красную книжечку.

— Она очень заинтересовала меня, — вспомнил Денисов. — Я подошел поближе к столу и хотел ее взять в руки...

— Ты еще мал в таких вещах разбираться, — сказал отец и отстранил сынишку. — Когда вырастешь большой, тогда посмотрим, достоин ты носить такую книжечку или нет.

Летом этого года Анатолий Денисов, тогда еще кандидат партии, побывал в отпуске у себя на родине, в Липецкой области. Зашел разговор о заводских делах.

— Папа, у меня кончается кандидатский стаж, — обратился он к отцу. — Думаю вступать в члены партии. Как смотришь?.. — спросил он совета.

— Ты уже человек самостоятельный. Тебе, конечно, и решать. Но, по моему соображению, готов ты для нашей партии...

Отец, создавший первые колхозы в своем районе, давно уже успел убедиться в том, что смену подготовил себе надежную.

И в ремесленном училище и в прокатном цехе завода, где Анатолий работал до призыва в армию, его любили и уважали за примерное отношение к делу, упорство в труде. После службы в парашютных частях Советской Армии он вернулся на завод еще более зрелым, волевым человеком. Прокатчик в первом коллективе коммунистического труда, комсомольский вожак, неутомимый организатор коллективных походов в театры, музеи — таков облик этого человека.

Анатолию Денисову вручили партийный билет почти на пороге двадцать второго съезда партии. Я видел, как искренне, от всей души поздравлял Илья Дмитриевич Новиков, секретарь парткома завода «Серп и молот», молодого коммуниста. Видел, как бережно, волнуясь, принимал Анатолий из рук секретаря красную книжку. Он был один из тех восьмидесяти коммунистов, которые пополнили ряды партийной организации завода в канун исторического съезда партии.

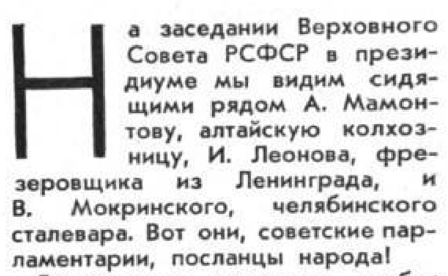
Ник. КРУЖКОВ

Фото Г. КОПОСОВА.

Иван Леонов, фрезеровщик.

Иван Леонов, рабочи

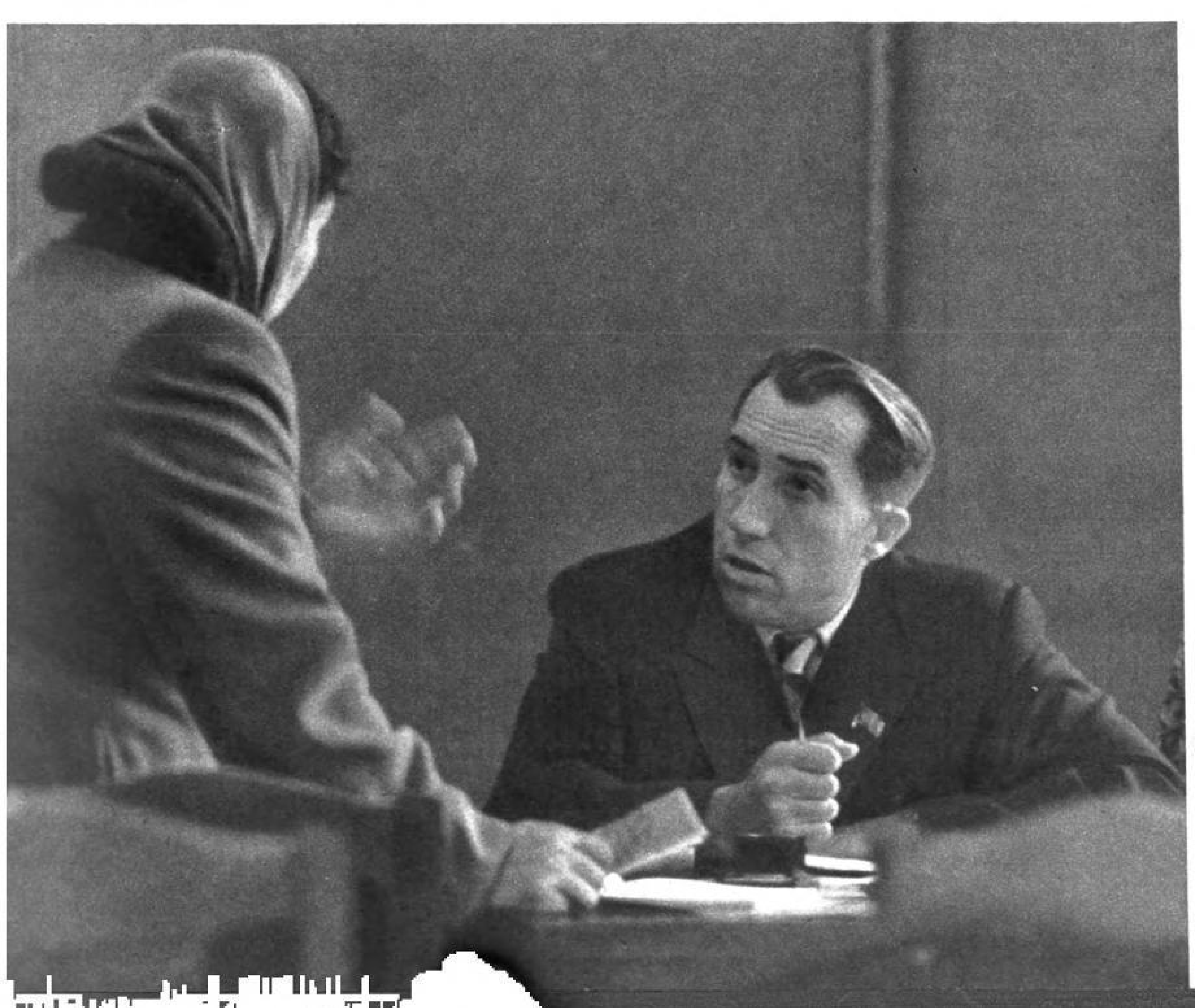

На заседании Верховного Совета РСФСР в президиуме мы видим сидящими рядом А. Мамонтову, алтайскую колхозницу, И. Леонова, фрезеровщика из Ленинграда, и В. Мокринского, челябинского сталевара. Вот они, советские парламентарии, посланцы народа!

Буржуазные идеологи любят говорить о равенстве. Но равенство в буржуазном обществе — фикция, пустая фраза. Только лицемеры могут болтать о равенстве богачей и бедняков, сытых и голодных, волков и овец, эксплуататоров и эксплуатируемых.

В социалистическом обществе, основа которого — труд, равенство между людьми — состояние естественное и непреложное. Ленин писал: «Действительной свободой и равенством будет такой порядок, который строят коммунисты и в котором не будет возможности обогащаться на чужой счет...» Советские парламентарии, стоящие у руля государства, являются живым воплощением идеи равенства.

На приеме у депутата И. Леонова.

Иван Леонов и его товарищи представляют собой весь народ, ибо государство наше общенародное.

Жизнь депутата Ивана Леонова — простая, ясная, честная, трудовая — отражает в себе, как в капле воды, жизнь миллионов советских людей.

* * *

Отец депутата, Давыд Леонов, гонимый деревенской нуждой, приехал в Ленинград и поступил на Путиловский завод в 1926 году, когда Ивану было всего пять лет от роду. Семья у Давыда была огромная — одних детей девять душ,— прокормить такую ораву нелегко. Леоновы вошли в среду путиловских рабочих, и это определило всю их дальнейшую судьбу. Пошел работать на завод и старший брат. Иван рос и, когда исполнилось ему 15 лет, тоже пошел по отцовскому следу.

Рассказывая о своих первых жизненных шагах в книжке «Гордое звание рабочий», Иван Леонов писал: «Если скажу, что в ту пору меня влекла на завод высокая сознательность, то это будет совсем не так... Главным для меня было одно — заработать получше, помочь семье встать на ноги. Ни о чем другом, более возвышенном, я и не помышлял...»

Как же случилось, что Иван

Леонов стал думать именно «о другом, более возвышенном», сделался известным всей стране человеком, новатором-изобретателем, видным общественником, коммунистом и депутатом? Откуда у него взялись такие силы? Что пробудило их к действию? Что дало им такое могучее развитие?

РАВЕНСТВО

С нежностью и любовью рассказывает Леонов о своем первом учителе и наставнике мастере Иване Александровиче Балакиреве: «Он и его друзья с первых дней старались привить мне такую любовь к заводу, чтобы я к нему прирос сердцем... Им на заводе дорого все, даже как будто и не касающееся лично кого-нибудь из них... И у всех за все такое беспокойство, словно каждый из них чувствовал себя директором завода, хозяином предприятия...»

Вот таким «беспокойством за все» заразился и фрезеровщик Иван Леонов. Он познал себя хозяином своего дела, и не только своего маленького дела, но и всего завода, всей жизни. Когда это чувство пришло к Леонову, тогда в нем и открылось то, что сделало его нынешним знаменитым Леоновым.

Один турист из Западной Германии, посетивший завод, познакомившись с Иваном Давыдовичем, долго на него смотрел, недоумевая, и наконец спросил:

— Это не обман? Вы есть действительно господин депутат Иван Леонов?

— Все точно,— смеясь, ответил Леонов,— депутат Верховного Совета РСФСР, заместитель Председателя Верховного Совета.

— Как же так? Обыкновенный рабочий, фрезеровщик и... господин депутат, заседает в парламенте!

Далее из разговора выяснилось, что гость никак не мог себе представить депутата, да еще заместителя Председателя Верховного Совета, без «положения в обществе». Простая для советского человека истина, что должность рабочего и есть «положение» в нашей стране, оказалась для гостя недоступной. Недоступным для понимания гостя оказался и рассказ Ивана Леонова о том, что советские рабочие не таят друг от друга своих достижений, совершенствуют технику, изобретают, вносят рационализаторские предложения, думая при этом не о своей личной выгоде, а об общем благе. На прощание гость сказал:

— Вы, советский рабочий, есть непонятный рабочий.

В романе Э. Золя «Труд» страшная картина позора и пыток, рождаемых тяжким наемным трудом, вырывает из уст Луки Фромана восклицание: «Вот оно, проклятие труда: человек превращен в волка непосильной, несправедливой работой, борьбой за хлеб, который так трудно заработать и который рвут друг у друга столько голодных рук!»

Старые путиловские рабочие, те, кто душевно и дружелюбно встретил пятнадцатилетнего парнишку Ивана Леонова, отлично знали, что такое труд в дореволюционное время — за медный грош, за черствый кусок хлеба. Они шли на смертный бой с царизмом и капитализмом, штурмовали Зимний, сражались на фронтах гражданской войны, пухли от голода во имя того, чтобы навсегда сгинули толстосумы-хозяева, кровососы рабочего человека, чтобы плоды труда принадлежали тем, кто их добывает. Иван Леонов вступил на жизненный путь, расчищенный борцами старших поколений.

Когда грянула война с фашистской Германией, Иван Леонов вместе с большей частью заводских рабочих уехал на Урал, а оттуда добровольцем пошел на фронт. Он воевал исправно, как и положено советскому человеку. Но, воюя, он не переставал думать о том времени, когда после победы вернется на родной завод. Вся мечта была — хоть бы полчасика постоять за фрезерным станком!

Вот что значит прирасти сердцем к заводу, к коллективу, к любимому делу!

Иван Давыдович Леонов, вернувшись после войны к станку, задумался, как бы улучшить дело. Совет старика Балакирева не выходил у него из головы: «Раз задумаешься, обязательно что-нибудь сообразишь». Иван Леонов начал соображать. Шли недели и месяцы, пока наконец у него не возникла идея создать новую фрезу, заменить быстрорежущую сталь твердым сплавом.

Можно легко представить судьбу такого рабочего в старое время.

— Куда лезешь, для кого стараешься? — сказали бы ему.

Может, мастер дал бы полтинник на чай за «соображение», может, инженер выдавил бы снисходительную похвалу:

— Молодец, братец!

Но, верней всего, эта идея так бы и не появилась на свет.

Леоновская фреза привлекла к себе всеобщее внимание. Технолог Суханов помог сделать нужные расчеты. Начальник цеха Рейс и секретарь партбюро Новик поддержали новатора. Приготовленные опытные образцы твердосплавных дисковых фрез доказали их очевидную пользу.

В Москве узнали об успехе Ивана Леонова. Новатор был награжден орденом Ленина.

Поощренный наградой и вниманием товарищей, Иван Леонов продолжал работать над новыми образцами фрез. Через некоторое время ему удалось создать скоростную фрезу из обычной быстрорежущей стали без применения дорогостоящих твердых сплавов.

Пришло общее признание, пришла слава!

Сложная штука — слава. На некоторых она действует так, что хорошие черты в человеке гаснут, а вместо них начинают выпирать другие, ранее незаметные: самодовольство, чванство, высокомерие. Знал я одного товарища, который, добыв добрым своим трудом известность, задрал нос и говорил о себе не иначе, как во множественном числе: «Мы, знатные люди...» Знал я и другого, который, приобретя славу, потерял честь: истаскался по банкетам, приучился к матушке водочке, требовал для себя немыслимых материальных воздаяний и в конце концов сошел на нет, был всеми забыт.

Иван Леонов остался тем же, кем он был: хорошим рабочим человеком, простым и веселым, добродушным и отзывчивым. Его взрастил и воспитал славный коллектив, и он остался верен своему коллективу. Работая в цехе коммунистического труда, он подавал пример того, как должен относиться к своему делу советский рабочий. Вступив в партию, он сделал из этого только тот единственно правильный вывод, что раз ты коммунист, то с тебя больше и спрашивается.

Иван Леонов ездил в Китай учить китайских рабочих искусству фрезерования.

— Встречали меня там здорово,— рассказывал он,— спрашивали, как я достиг успехов. Что мне ответить? Старался, говорю. Товарищи помогали, коллектив, партийная организация, без них я малая птаха. Мы, советские рабочие, потому идем постоянно вперед, что всегда опираемся на плечо товарища.

Ездил он и в Венгрию, где познакомился с фрезеровщиком завода имени Готвальда Лайошем Комароми.

— Мы теперь друзья на всю жизнь,— говорит Иван Леонов,— даже своими фрезами обменялись.

У Ивана Леонова много друзей, и это делает его жизнь полной и радостной. Я был у него на депутатском приеме — сколько народу к нему идет! Дела у всех разные: тот хлопочет о пенсии, тот о жилье, тот жалуется на начальника. Хорошо, дружелюбно, спокойно разговаривает со всеми депутат. Даже если и приходится ему отказывать человеку, то он делает это как-то так, что проситель уходит без обиды: значит, уж действительно ничего не попишешь, раз Иван Леонов отказал.

— Я к вам еще раз приду,— сказала ему женщина, жаловавшаяся на соседей.

Й ЧЕЛОВЕК

В президиуме заседания Верховного Совета РСФСР.

— Я сам к вам приду,— ответил Леонов,— на месте разберусь, кто из вас прав, кто виноват. Приду на той неделе, в четверг, к семи часам вечера, запиши...

Мне довелось побывать у него дома, в хорошей, уютной квартире на улице Стачек. Жена его, Раиса Алексеевна, работает на Кировском заводе техником, сын Игорь и дочь Мария учатся.

— Этот будет инженером, машины любит,— сказал Иван Леонов о сыне,— а с этой еще разберемся, пусть подрастет,— добавил он, указывая на дочь...

Они будут теми, кем захотят, пойдут по той дороге, какую сами изберут. Все дороги жизни для них открыты — широкие и просторные...

Коммунисты Ленинграда избрали Ивана Леонова своим делегатом на XXII съезд партии. Высокую эту честь завоевал Иван Леонов своим трудом и на производстве и на общественном поприще.

Этим, пожалуй, и можно закончить краткий рассказ о большой жизни Ивана Леонова — фрезеровщика и депутата.

СЧАСТЬЕ

БЕССМЕРТИЕ БУДНЕЙ

Галина ШЕРГОВА

Я только позднее разглядела улицу и поразилась точности ее поэтического двойника, ожившего в строках:

Здесь прежде улица была.
Она вбегала так нежданно
В семейство конского каштана,
Где зелень «свечками» цвела.

Они пришли на память, как всегда бывает со стихами, почти безотчетно — строки, сложенные Ильей Сельвинским в этих краях в годы войны и разрушения. У него ниже было сказано: «Там бился, в пузырьках колюч, по клавишам стеклянный ключ...» И сейчас, как тогда, над севастопольской зеленью курились звуки рояля; это, видимо, и напомнило стихи; и снова стекали с горы улицы, и снова каштаны с гетманской величавостью вздымали булавы-орехи. И будто не было войны, о которой писал поэт: «Чернели номера у зданий, но самых зданий больше нет... И счастья нет».

А сегодня я ощущала себя очень счастливой той беспричинной радостью, которую дает встреча с незнакомым красивым городом, в котором днем между газонами мелькают стайки школьниц в платьицах с черными передниками; где голубые, как куски моря, на безупречных тротуарах томятся милиционеры, которым нечего делать. По вечерам над Севастопольской бухтой дрожит музыка, и корабли бросают в черноту воды многоцветное отражение сливающихся огней.

Наверное, Севастополь был сейчас и не счастливее других городов, конечно, тут и сейчас были у людей и заботы и горести, но почему-то мне казалось, что ощущение счастья разлито в городской толпе.

И, думая об этом городе, изведавшем всю меру страдания войны и гордое мужество, воскресшем в своей стройной красоте, я спрашивала себя: что же оно такое, человеческое счастье?

Мне даже захотелось подойти к людям, идущим навстречу, и спросить, в чем их счастье. В общем, я почти так и поступила. Трое севастопольцев, с которыми я разговорилась, были разными людьми. Но раздумья их были в чем-то схожи между собой, ибо, видимо, счастье моих сограждан только меняет свой внешний облик, сохраняя общее постоянство своего существа. Вот история моих новых знакомых.

Александра Степановна Троицкая, заведующая абонементом Морской библиотеки

Она написала на листке бумаги: «Когда-нибудь, когда на земле снова будет мир и эта книга попадет в другие руки, сохраните ее,— нам был дорог каждый том...» Потом вложила записку в книгу, опустила ее в ящик и заплакала. Они все плакали. И ящики, куда паковались книги, казались похожими на гробы, поглотившие близких.

Одно утро, перевернувшее жизнь целой страны, перевернуло и ее жизнь. Утром бомба разорвалась у памятника Затопленным кораблям, и когда Александра Степановна пришла в библиотеку, железные ставни были скрючены, как от боли, и погребальный снегопад белых карточек носился по дому.

Часть книг замуровали в подвале. Часть — наиболее ценные тома — постарались вывезти. Для нее, Троицкой, дело было не только в том, чтобы сохранить собрание знаменитой Морской библиотеки, собираемой почти сто лет, как, например, «Морской сборник» от первого номера,— книги были частью ее самой. К ним в свое время спешила, как на первое свидание, она, тоненькая гимназистка Аля, чтобы, встав у стола общества «Друзей книги», вручать их людям. К ним шла она взрослая, ощутив свое единственное призвание в жизни...

...Пришел мир, который загадывала она в прощальной записке. И как на смену погибшим приходят живые, на смену уничтоженным книгам люди собирали новые. Они, эти люди, здесь прошли через все: в пещерах-развалинах устраивали жилье, ночевали в библиотечных залах, по книжке восстанавливали то, что зовется скупым термином «фонд».

Случилось так, что на склоне лет Александра Степановна осталась одинокой: война унесла семью. И все-таки, думая о том, была ли она счастлива, она неизменно твердила себе: «Да, да, конечно, счастлива!..» В проекте Программы партии сказано: труд станет смыслом жизни... Он уже стал для нее таковым.

Разве не счастьем было слышать, как простой рабочий в клубе «Пролетарская кузница» говорит ей: «Книги теперь моя главная радость». Ее жизнь осталась в судьбе актера, лучшего исполнителя роли Суворова: ведь это она искала ему литературу. И в диссертации военного, ученого и в десятках ее учеников, которым она открыла возвышающее значение книги.

И когда ночью уходят в рейс корабли, она смотрит в море и знает, что там, на мглистых водных дорогах, живут и думают какие-то безвестные люди, которым ее книги помогли стать лучше. А есть ли более высокое счастье, чем делать человека лучше!

Матвей Антонович Золоташко, шофер таксомоторного парка

Дзержинский качнул еще раз, но безжизненно мягкое колесо и не дрогнуло. Феликс Эдмундович окинул взглядом все восемнадцать покрышек и большую бутыль с резиновым клеем — громоздкое и беспомощное хозяйство Золоташко, сложенное у машины,— захохотал и махнул рукой:

— Ладно, Матвей, не отчаивайтесь! Тут всего несколько километров, я дойду пешком.

Он весело зашагал по крымским камешкам, и, глядя вслед уходящему, Матвей думал удивленно и растроганно о нем, и о Фрунзе, и о Калинине, и о всех, кого возил во время их приездов в Крым: «Нет, надо бы, надо бы ребятам с нашего броневика посмотреть, какие они, «большевистские министры».

Кавалер двух Георгиев за первую мировую, Матвей был горд, что не ошибся в большевиках, чьим именем эсеры пугали их на фронте.

Здесь, в Севастополе, став шофером командующего революционным флотом, Золоташко «вблизи» рассмотрел руководителей республики и каждый раз поражался простоте, душевности и доступности, с которой держались эти прославленные люди...

Почему он вспомнил об этом сегодня, сорок лет спустя? Может, беспомощный вид машины товарища, которую Матвей Антонович пришел чинить в свой выходной во двор автопарка, чем-то напомнил их «ремонтные операции» с Дзержинским? А может, вчерашнее собрание, где он, бессменный месткомовец, пробирал и начальство и коллег? Иные, наверное, думают: «Вот въедливый старик!» Ладно, пусть. Он за справедливость. Ведь именно справедливость, скромность, принципиальность и подкупили его в тех давних знаменитых его пассажирах.

Длинная жизнь прошла. И было в ней всякое: и бессонные рейсы через грохочущий город, когда он, шофер станции переливания крови, возил раненым алую жизнь в лабораторных колбах; и ночи в МТС с первым изношенным послевоенным оборудованием; и свитые в клубок крымские дороги автобусных маршрутов с веселыми и озабоченными пассажирами. И вот уже 68 лет. А даже жена не говорит: «Иди на пенсию». Конечно, он умрет в тот же день, когда сядет в скверике с пенсионерами «забивать козла». Самое большое несчастье — остаться вне жизни, вне грубоватых шоферских сходок, со спорами о плане, о машинах, вне этих славных сходок, где ты перед товарищами и высший судья, а придется — и подсудимый. Длинная жизнь прошла. Она объяснила ему, что такое счастье. Ты не кривил душой и хорошо понимал, как прав был твой пассажир Михаил Иванович Калинин, которого привез ты когда-то на митинг на Исторический бульвар: жить надо для людей.

Марта Ивановна Киселева, научный сотрудник Биологической станции Академии наук СССР

Новый год встречали в Монако. Смешно: Монте-Карло, рулетка, безумцы из рассказов Стефана Цвейга — в общем, литература. А для них, для Марты и для ее друзей, Монако — это Океанографический институт. Знаменитейший, старинный.

На рейде их научное судно «Академик Ковалевский» стояло вместе с американской подводной лодкой, и Марта, смеясь, говорила монакским журналистам: «Вот как приходят к вам американцы и как — мы».

Гостили у директора института Жака Кусто, снявшего нашумевший фильм «В мире безмолвия». Сейчас Кусто был поглощен своим новым детищем — маленьким подводным судном для исследования морских глубин с трогательным именем «Чечевица».

В этом они были поразительно похожи — и Кусто и биологи с «Ковалевского» — поглощенностью делом. Марта всякий раз испытывала радостное удивление от того, что где-то за тридевять земель — в Мессине, Неаполе или Равинии — с малознакомыми

людьми может говорить, как говорила дома с биологом-мужем.

Наверное, это людское понимание и сделало Новый год в Монако прекрасным. Был даже новогодний сувенир: на фронтоне здания института они увидели высеченные названия знаменитых судов. И первым — имя «Витязя», макаровского корвета. Так Родина дарила их, русских, отсветом своей славы.

Конечно, Марта была счастлива в жизни. Она знала облик счастья: ветра странствий на тихоокеанских или средиземноморских дорогах, нетерпеливое и кропотливое ожидание — что там нового, в водных глубинах. И жизнеутверждающее чувство: на земле живет много хороших людей, готовых открыть тебе мир своих мыслей. Именно это чувствовала она в Марселе, беседуя с доктором Пиросом и выходя в море на итальянском «Антедоне»; в Саламбо, где тунисские студенты просили совета русских ученых; в Неаполе, когда коллеги со всего мира искали сотрудничества с ними.

Но, пожалуй, особенно остро радость охватывала ее каждый раз, когда она видела восторг и восхищение перед ее страной. Мир учил ее родной язык, чтобы узнать и понять ее страну, чтобы читать труды ее советских собратьев по науке.

Иногда это было смешно и наивно, как, скажем, был забавен французский учебник русского языка, на первой странице которого был изображен извозчик и напечатана популярная русская песня «Чижик-пыжик, где ты был?». Нелепо! Но важно было другое: французы упорно одолевали историю «Чижика», чтобы затем прочесть и понять историю великой России. И было счастьем знать, что ты причастна к судьбе страны, несущей в мир свои притягательнейшие идеалы добра и света.

* * *

Теперь, мне кажется, я поняла, почему от знакомства с севастопольцами возникало ощущение радости. Именно такими — влюбленными каждый в свое дело, знающими цену жизни и смерти — они и должны быть, жители города, который первым в стране решил стать городом коммунистического труда и быта.

Такие люди — изведавшие горе и счастье, чистые и благородные — и пойдут в коммунизм: ведь будни таких, как они, сообщают бессмертие городу и стране.

...Марта Киселева рассказывала мне как-то о том, что однажды в Риме она увидела лестницу, вывезенную из Палестины. На каждой ее ступени грешники замаливали грехи.

Я смотрю на серо-белые, сложенные из инкерманского камня ступени Севастополя, и мне хочется, чтобы к этим вот ступеням припали те, кто когда бы то ни было принес горе этому светлому городу. И те, кто снова покушается на его трудовое, чистое счастье.

Великое счастье — свершение подвига.

→ Ю. Гагарин и Г. Титов с пионерами.
Фото В. Тюккеля.

Сев идет!

ДО ГРАНИЦЫ—

Генрих ГУРКОВ,

Всеволод ТАРАСЕВИЧ,

специальные корреспонденты «Огонька»

Люди, километры, пограничные столбы... Идем по западной государственной границе Советского Союза.

Идем — это не совсем точное слово. Чтобы пройти пешком от Черного моря до Балтики, нам пришлось бы находиться в пути минимум полгода. В редакции сказали: «Две недели». Мы плывем на катерах и теплоходах по красавцу Дунаю, пылим на машинах по молдавским грейдерам, нас болтает на воздушных ухабах работяга «АН-2». Целый день в пути. А потом посмотришь на карту — пройден только маленький кусочек нашей тысячекилометровой дороги. Да, широка ты, страна родная!..

Мы идем по границе. Она здесь, в нескольких шагах. Вон тот лес, на правом берегу,— Советский Союз. А слева такой же точно лес — Румыния. Четко впечатались в закатное небо силуэты каравана барж. Деловито постукивая мотором, их тащит небольшой буксир. С его спокойным, каким-то домашним постукиванием не вяжется привычное, тревожное и суровое представление о границе. Привычное по книгам, по фильмам. Привычное по тому июньскому дню сорок первого года, когда тишину на нашей западной границе взорвали залпы фашистских батарей.

Вспомнишь об этом — и ухо невольно начинает напряженно ловить подозрительные шумы и шорохи, а глаз — искать в надвигающихся сумерках что-то такое, чем наше подготовленное воображение населило пограничную зону.

Слушаем, смотрим — и находим. С того, румынского, берега явственно доносится лязг гусениц. А черная полоска леса, отрезающая горизонт от речной глади, внезапно оживает таинственными точками-тире, которые выписывает неведомый огонек.

— Соседи ведут ночной сев.

Это сказал Алексей Григорьевич Гриненко, капитан-наставник Дунайского пароходства. Наставник во флоте означает то же, что и повсюду,— учитель, воспитатель. За плечами Алексея Григорьевича многие тысячи миль морских и океанских дорог. А сейчас он растит молодое поколение советских дунайских капитанов.

Мы плывем на «Белинском» — пассажирском теплоходе, совершающем регулярные рейсы между Одессой и Измаилом. Обычно по его палубе растекается шумная, веселая туристская ватага. Но на этот раз на судне не было туристов. Сидели в шезлонгах загорелые люди с большими руками, пестрыми галстуками и добрыми глазами — знатные кукурузоводы, возвращавшиеся из Москвы, с ВДНХ. Сердито спорили о чем-то небритые хозяйственники, которых мы встретили накануне в Одесском обкоме партии. Белобрысый юноша в фуражке с «крабом» бережно обнимал за плечи красивую сероглазую женщину. Дремал, откинув седую голову, высокий человек в черном костюме и белых спортивных тапочках, с орденом Ленина на лацкане пиджака.

Люди плыли домой. Их дом здесь, на границе. Здесь они живут, работают, любят.

* * *

Веками было так: когда вспыхивал сказочно прекрасный дунайский закат, то, казалось, был он багровым от крови и пожаров. Междоусобные войны выжигали свое зловещее клеймо на зеленых дунайских берегах. Недобрые то были времена.

Напротив Измаила, по ту сторону Дуная, аккуратное румынское село Пардина. Рядом с белоснежными домиками под черепичной крышей — развалины церкви. Оттуда двадцать лет назад, в ночь на 22 июня, полоснули по советскому берегу первые пулеметные очереди. Потом монитор «Железняков» ответил фашистскому гнезду из своих орудий, и, как записано в бортовом журнале, «огневая точка противника была подавлена...»

Никогда больше не начнется здесь, на Дунае, военная буря. Развалины возле села Пардина — выразительный памятник временам, когда подобное было возможным. Эти времена похоронены. Навсегда.

Сегодня граница по Дунаю — это граница мира, граница дружбы. Хозяева здесь — торговые суда братских социалистических стран. Мы видели их возле причалов Измаила и Рени, встречали, когда мчались по великой реке на стремительной «Ракете».

Чехословацкий буксир «Бланик» поведет в Комарно три баржи с криворожской рудой. До отхода около часа. И представитель чехословацкого пароходства в Измаиле Карол Фульмен, Карл Яныч, как его здесь называют, приглашает в гости. По дороге рассказывает:

— Для нас ваши дунайские порты — ворота в мир. У Чехословакии большая торговля со странами Азии, Африки. А своих морских портов нет. Большую часть транзитных грузов — на Индию, Китай, Турцию, Гану, Гвинею и многие другие страны — мы перерабатываем здесь, в Измаиле, в Рени. Сюда за ними приходят морские суда — наши и зафрахтованные у иностранных государств. Кстати, наши морские пароходы еще ни разу не были дома. Порт приписки у них — Прага. Но что сделаешь, возле Праги нет моря! Впрочем, здесь, на вашей земле, это тоже дома...

Капитана «Бланика» Юрая Кадлеца, розовощекого весельчака с поблескивающим золотым зубом

Эти парни охраняют советскую границу.

ДЕСЯТЬ ШАГОВ

хорошо знают в Измаиле. Вот уже одиннадцать лет он ходит сюда почти каждый месяц. Услышали мы от капитана об одном из переходов.

...В самом красивом и самом страшном месте Дуная — в катарактах — вел Юрай Кадлец теплоход «Яворина». Туман лег сразу, густой и непроходимый. А течение в тех местах, знаете, какое! «Яворину» выбросило на подводные скалы. Хлынула вода. Вся команда боролась за жизнь корабля. Но помпы захлебывались: пробоина была слишком велика. Так прошло несколько часов. А потом... Потом на сигнал бедствия откликнулись советские теплоходы «Сухуми» и «Николаев». Когда они подошли, вода в машинном отделении поднялась уже на метр. «Яворину» сняли с камней, на борт были перенесены мощные помпы «Николаева». Около них остался матрос. Его звали Иван. Он работал несколько суток подряд. По двадцать часов. И вода отступила...

Понятие «дружба» в самом широком и благородном смысле этого слова удивительно прочно впиталось во все дела, в жизнь и труд на границе. После каждой новой встречи в наших блокнотах становилось все меньше неисписанных страниц, и приходилось подсчитывать, хватит ли до конца пути захваченной из Москвы фотопленки.

В Рени мы видели, как плавучий кран грузил на болгарские баржи советскую сталь. Подошли, читаем на табличке, поблескивающей возле кабинки крановщика: «Завод имени Георгиу-Деж. Будапешт».

А в кабинете начальника отделения Инфлота — советской организации, занимающейся агентированием иностранных судов, — капитан болгарского теплохода «Русе» Михаил Парушев, черноволосый, с седыми висками и щегольскими усиками, басит:

— Товарищ Мандель, план застрашен[1]. Помогайте. А то как пойдем в праздник на демонстрацию? Стыдно будет...

Помогают. Погрузка производится вдвое быстрее, чем предусматривают нормы.

* * *

Не только портовые, но и строительные краны нередко попадались на нашем пути. На границе много строят. Строят жилые дома, мосты, заводы. В одном закарпатском селе над пограничной рекой заканчивается строительство школы-интерната.

Ясным, солнечным днем мы поехали смотреть большой сад, заложенный два года назад на границе с Венгрией.

Мы ходили по саду, а неподалеку с добродушным ворчанием вели сев совхозные тракторы. Подкатил на мотоцикле пропыленный насквозь бригадир, поздоровался.

— Что, сеем, Степа? — спросил начальник заставы.

Сеем... Оборот-то привычный, но было в нем что-то особенное. Майор-пограничник обращался к колхознику в десяти шагах от пограничного столба. Да, такая она, эта граница...

Идут через нее составы. На платформах станки, автобусы, лес, уголь... По ту и по эту сторону границы неустанно трудятся люди, чтобы радостным и счастливым было наше общее завтра. Трудятся и соревнуются друг с другом. Соревнуются экипажи пароходов, соревнуются колхозы, соревнуются пограничные заставы.

Сегодня пограничники той и этой стороны охраняют границу не друг от друга, а от общих недругов. И еще недоступнее становится она для всякого рода нарушителей и лазутчиков, пытающихся напакостить в нашем большом социалистическом хозяйстве.

— Вместе хорошо работать! — говорит нам чехословацкий пограничник надстражмайстер Миколаш Халапин.

Он только что беседовал с советским офицером. Уточняли какой-то вопрос, касающийся совместной охраны границы.

Совместная охрана границы! Было ли это возможно раньше?

На одной из наших застав мы познакомились с молодыми парнями, на гимнастерках которых поблескивают рядом два значка «Отличный пограничник»: один — советский, второй — венгерский...

Обмен опытом, социалистическая кооперация, взаимопомощь. Благородная эстафета добрых дел. Ее передают друг другу молдавские виноградари и дунайские речники, закарпатские строители и рыбаки Балтики.

Есть в Калининграде рыболовецкая артель «За Родину». Траулеры и сейнеры этого советского колхоза-гиганта ведут лов рыбы в Северном море и в Атлантике, у исландских берегов, близ Ньюфаундленда. И часто встречаются в промысловых районах с польскими коллегами.

Побывали недавно в артели «За Родину» дорогие гости — рыбаки фромборкского кооператива имени Коперника, что в Ольштынском воеводстве. Смотрели, как ловят угря калининградцы. Пригласили хозяев к себе.

Ездили калининградские рыбаки в Фромборк, в Гдыню. Разговор получился хороший. А вот и его последствия: в Северном море советские и польские сейнеры ведут сейчас «близнецовый лов». Трал тянут два судна: одно из Гдыни, другое из Калининграда. Улов — пополам.

* * *

Седая балтийская волна лениво наползает на песчаную косу. Здесь конец нашего пути. Последний пограничный пост.

Через несколько часов вылетаем в Москву. Откроем карту, посмотрим на извилистую ленту, вдоль которой прошли. И вспомним людей, с которыми встречались там, в десяти шагах от границы.

[1] Под угрозой (болг.)

Весточка из аула

Поэма

Расул ГАМЗАТОВ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

I

Немало в жизни писем разных
Мне почтой было вручено,
И деловых, и в меру праздных,
Порой написано умно́.

В тех похвалы, в других упреки,
А в третьих боль и горечь слез,
В четвертых строки, как уроки,
А в пятых перечень угроз.

Я не чурался писем злобных
И с гордостью не раз на дню
Их изучал, предать способных
Меня опале, как огню.

Но сколь таких ни прибывало,
Я больше получал других,
Дышалось мне легко, бывало,
От писем, сердцу дорогих.

От писем всяк из нас зависим,
Читают их в один присест.
В стихах и в прозе стаи писем
Я получал из разных мест.

От пылких мальчиков счастливых,
Лишь оперившихся едва,
От стариков неторопливых,
Чья поседела голова;

От тех, кто хлебу знает цену,
Кому весна твердит: паши,—
И от людей, избравших сцену
Во имя хлеба для души.

Я стихотворцев, в меру вещих,
За письма их благодарил.
Хранил подолгу письма женщин,
Которых я боготворил.

Шли письма разные, как годы,
И каждое с собой несло
То холод ранней непогоды,
То весен раннее тепло.

Собрать бы вместе их, а после
В свою же собственную честь
С улыбкой поздней, с грустью поздней
Открыть, как повесть, и прочесть.

Прошли б событий вереницы,
Людские лица, имена,
Но гибли повести страницы,
И в том была моя вина.

В камин бросал иные письма,
Раскрыв над пламенем ладонь.
Так уходящий август листья
Швыряет в осень, как в огонь.

Другие рвал, как и теперь я,
Без ощущения греха.
Белели клочья их, как перья
Ощипанного петуха.

Не слабости душевной признак,
Когда случалось, что в тоске
Жалел я о погибших письмах,
Как степь о высохшей реке.

Ах, письма, письма!..
Среди прочих
Есть и такие, видит бог,
Что не порвешь — при чем тут почерк,
Что не сожжешь — при чем тут слог.

По всем написанным уставам,
Они при мне до одного,
Как будто при солдате старом
Награды и рубцы его.

Но среди писем, мной хранимых,
Есть сокровенное одно,
И я богаче всех халифов:
Дороже золота оно.

В нем буковки — подобье горлиц,
Хоть в силу времени само
Уж на изгибах чуть потерлось
Неоценимое письмо.

Когда б прочли письмо вы это,
Не поразило б вас оно,
Оставленное без ответа
Несправедливо и давно.

В родных горах души не чаю,
И, глянув времени в лицо,
Я с запозданьем отвечаю
Поэмою на письмецо.

II

Студентом был я, горский парень,
Вдали от гор земли родной,
И осень на Тверском бульваре
Листву кружила надо мной.

Хоть слушал лекций я немало,
Учителям не всем внимал.
Жил в общежитии сначала,
А после комнату снимал.

Носил в то время пестрый галстук,
Папаху кепкой заменил.
Ложился поздно: звезды гаснут,
А я еще не приходил.

Любил и мыслил не тщедушно,
Достойный юности вполне.
И до сих пор еще не чуждо
Все человеческое мне.

К стихам друг друга мы бывали
Всегда ревнивы и строги.
Рождались на Тверском бульваре
И настоящие стихи.

Теряться не в моей природе.
Я тонких судей почитал
И сам в подстрочном переводе
Стихи товарищам читал.

А над Москвою ветры дули
И гнали облака не раз
Оттуда, где жила в ауле
Ходившая в девятый класс.

III

Письмо.
Конверт заклеен мылом.
Апрельское сиянье дня.
Заветным, чем-то сердцу милым
Повеяло вдруг на меня.

И вспомнил,
лишь взглянул на почерк,
Я девочку в краю вершин,
Ей в женихи когда-то прочил
Меня мальчишка не один.

На марке штамп цадинской почты.
Открыл конверт, и голова
Вдруг закружилась, оттого что
Вдохнул аварские слова.

Хоть девочка обыкновенно
Меня приветствовала в них,
Они звучали сокровенно,
Слова простые из простых.

Она писала мне о школе
И сообщала заодно,
Что был сосед всю зиму болен,
Но что поправился давно.

Слова письма, как птичья стая,
И я, взволнованный, прочел
О том, что снег в горах растаял
И первый дождь в горах прошел.

Потом перо ее, как ястреб,
Над стаей строчек сделав круг,
Из них, невычурных и ясных,
Словечко вычеркнуло вдруг.

Лугов заоблачных кровинка —
На радость сердцу моему —
С тремя листочками травинка
Была приложена к письму.

Когда-то в поле у лесочка,
Таков обычай наших мест,
Я сердцевидных три листочка
Срывал при «выборе невест».

Забава давняя.
И вновь я
Читал письмо, в котором мне
Желала девочка здоровья,
Хоть был здоровым я вполне.

Когда ж подписываться стала,
Сорвалась капелька чернил
И на две буковки упала.
Их словно камень придавил.

И кажется, я в том повинен
И перед девочкой в долгу,
Что, как ни силюсь, я поныне
Поднять тот камень не могу.

Н. Ломакин, Г. Песис. НА МИРНОЙ ЗЕМЛЕ.

Е. Табакова. В ЧАС ОТДЫХА.

И. Зариньш. КАКАЯ ВЫСОТА.

Письму из горного аула
Не много ль чести воздаю?
О нет, оно перевернуло
Всю душу грешную мою!

Под стук колесной перебранки
Как будто ехал день и два
И на каком-то полустанке
Вдруг слез, шальная голова.

И мне в ту самую минуту
Отрадную вручили весть,
И я, чуть грустный, почему-то
Решил в обратный поезд сесть.

И предо мной мелькали весны,
Как будто сосны за окном.
Себя и мальчиком и взрослым
Я ощущал в лице одном.

IV

Я, чувств не обижая прочих,
Вернувшись к старому письму,
Хочу воздать земную почесть
Святому чувству одному.

Перо сжимая, отличусь ли,
Душ человеческих связной?
Я, помнится, об этом чувстве
С полночной говорил звездой.

С крутого каменного склона
Смотрел я молча в небеса,
Пока две капельки соленых
Не набежали на глаза.

И подмосковные березы,
Как над Гунибом, в вышине,
Зеленокудры и белесы,
О нем нашептывали мне.

Щемило душу чувство это,
Но грусть светла моя была.
А годы шли: то снова лето,
То вновь зима белым-бела...

Не пленником досужей страсти
И я по свету колесил,
Но каждый раз из дальних странствий
Одни раздумья привозил.

Смотрел с вершины Фудзияма
На журавлей летящих я,
Входил над Гангом в двери храма,
Который стерегла змея.

Кормил я чаек в море Красном,
По римским улицам ходил.
И в Лувре я перед прекрасным
Вздыхал и слов не находил.

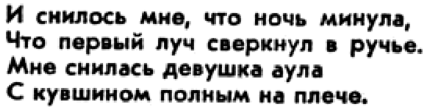

Но весь я был во власти зова
Родной отеческой земли.
И откликался чувством снова,
Что обостряется вдали.

То чувство, жаркое от века,
Значенье крови обрело
И гордо сердце человека
Превыше славы вознесло.

Иным делам, сомненьям, спорам
Оно всегда как высший суд.
То чувство,
слово о котором,
Любовью к Родине зовут.

Как перед вечным и прекрасным
Словами в воздух не стрелял,
Так никогда беседам праздным
О чувстве том не поверял.

И снилось мне, что ночь минула,
Что первый луч сверкнул в ручье.
Мне снилась девушка аула
С кувшином полным на плече.

И словно оживали строки
Непозабытого письма.
Кипели горных рек истоки,
И зрела медленно хурма.

И вот уж строчка обернулась
Дымком, что вьется из трубы,
И узкой улочкой аула
С колесным следом от арбы.

И поднимаюсь я на кручи
И дую в тонкую свирель.
И облака, сбиваясь в кучи,
Клубятся рядом, как метель.

И вечер красною полоской
Ложится на̀ плечи высот.
И снова мама с крыши плоской
Зовет меня,
зовет,
зовет...

С тех пор годов прошло немало,
Как утекло немало вод,
Но все мне кажется, что мама
Зовет меня,
зовет,
зовет...

В ненастный день и в день погожий,
В какой бы ни был я дали,
На материнский так похожий,
Я слышу зов родной земли.

Ни от чего не отрекаюсь,
Готовый все начать с азов,
Из дальней дали откликаюсь
Я вновь и вновь на этот зов.

О девочка, не потому ли
Я сердцем льну к родным местам!
А долго ль побывать в ауле!
Прочел письмо — и словно там.

Как раньше зорок я, не так ли?
Скажи, писавшая ко мне,
Не твой ли вновь над крышей сакли
Мелькнул платок в голубизне?

Ты не беги, моя соседка,
Но дней печальных избеги.
Иду аулом я, где метко
Словцо седого Избаги.

Красою гор я околдован.
Мне рады мама и отец.
Ах, мой отец, еще здоров он!
Еще во всем он молодец!

Какая жизнь — такие вести.
Басыра встретил. Он опять
Заводит речь о Бухаресте
И рвется шрамы показать.

К родной милиции привыкли,
И мне рукою машет тут,
Верхом летя на мотоцикле,
Уполномоченный Махсуд.

Тянусь я к сверстникам, как прежде,
Как чарка к чарке на пиру.
И, отдавая дань надежде,
Детей я на руки беру.

Спокон веков здесь бурка в моде,
Жаль, на плечах у земляков
Черкесок меньше стало вроде
И больше штатских пиджаков...

Письмо читаю...
На тропинку
Походит каждая строка.
И вижу первую травинку
И воду пью из родника.

Я не в горах ли сердцем, если
Аулом мысленно иду.
Погибших — все они воскресли —
С живыми вижу наряду,

Героев, пахарями ставших,
Солдат, ушедших в чабаны.
Спешат ко мне два брата старших,
Не возвратившихся с войны.

И кланяюсь родным порогам,
Дорогам, вьющимся внизу,
И говорю, как перед богом,
Украдкою смахнув слезу:

— Родной аул, души гнездовье,
Лечу к тебе из всех земель,
Ты выше славы и злословья,
Моя сыновья колыбель!

Вот наша сакля, где в камине
Уже не водится огня,
Но он горит, горит поныне,
Переселившийся в меня.

Вдруг, словно севером подуло,
Я слышу голос не один:
— Танцуешь все вокруг аула,
Иль ты не всей державы сын?

Не знает кто-то, мне на горе,
Что солнце в красные часы
Увидеть можно, выйдя к морю,
А можно — в капельке росы.

Моей любви верны устои.
Отчизну матерью назвать
Я, право, был бы недостоин,
Когда б забыл родную мать.

Я воду пил из многих речек,
Но вспоминал в горах родник.
Без клекота аварской речи
Я онемел бы через миг.

И за отеческим пределом
Достойно, кажется, всегда
Я представлял державу в целом,
Кавказец родом из Цада.

Но кое-кто не видит ровно,
Что на пиру и в дни страды
Она во всем единокровна —
Судьба аула и страны.

Что здесь доказывать мне! Или
Лихие горские сыны
В атаках головы сложили
Не для спасения страны?

К тому, что сказано, я вправе
Добавить истине под стать:
Коль хороши дела в державе,
То и в ауле благодать.

И на плече своем держава
Вас будет впредь, аулы гор,
Держать высоко, как держала
Под самым небом до сих пор...

И ты, черешневая ветка,
Души неугасимый свет,
Услышь меня, моя соседка,
Прими на весточку ответ!

Пускай в Цада из тучи темной,
Когда синеет небосвод,
Идет в апреле дождик теплый
И снова ласточка поет.

Перевел с аварского
Яков КОЗЛОВСКИЙ.

Рассказ

Николай РОДИЧЕВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Девятый

Гешка!.. Комиссар!..

Я вздрогнул. Я вспомнил... Нет, я ничего не мог вспомнить в тот миг, замерев посредине дощатого настила, заляпанного свежей известкой. До сих пор не знаю, почему я тогда остановился: ведь я уже давным-давно не Гешка. У меня есть замечательный тезка Гешка Михайлов, названный так его упрямой матерью. Он охотно отзывается на такое обращение. Это мой сын. Для всех строительных рабочих — от юных штукатурщиц до степенных, седоусых каменщиков — я Геннадий Петрович, прораб. Всем известна моя натура, не терпящая легкомыслия, ребячества. А тут с высоты цокольного этажа я прыгнул вниз, на кучу алебастра. В едкой пыли мы сшиблись с человеком, окликнувшим меня полузабытым детским именем...

Отойдя в сторонку, мы жадно приглядывались друг к другу.

«Ну, узнай же меня! Узнай скорее!» — приказывал этот человек, больно притираясь к моей щеке худыми и колючими скулами. И тут только я заметил, что левая рука его, заброшенная через мое плечо, равнодушно висит плетью, не прижимает меня, подобно правой.

— Вы... ты случайно не из девятого «Б»?!

Кричу я, вероятно, громко, потому что гость тоже шумлив. Из нижнего оконного проема высунулась девичья голова в алой косынке. Я делаю досадливый жест рукой, и косынка исчезает.

Проклятая память подготовила мне новый сюрприз. Напрасно я минуту и другую вглядывался в серые, ослепляющие горячечным блеском глаза друга, сдавленные у уголков гусиными лапками морщин. Ни у кого из моих прежних знакомых не было столько коричневых складок на лице, такой глубокой морщины на лбу и таких серых, почти безбровых проницательных глаз. К счастью, обрадованному человеку пока хватило упоминания о девятом «Б».

Так произошла эта встреча.

Плохо быть щепетильным в подобной ситуации, но служба есть служба. Еще до оклика снизу я почувствовал на руках две-три холодные капли. Погода с утра не предвещала ничего хорошего, а прораб в таком случае должен быть настороже. Пока мы обнимались, капли зачастили, хлопая нас по щекам.

Извинившись, я кинулся к проему, чтобы приказать бригаде подсобных рабочих убрать с открытой площадки цемент, а кучу алебастра забросать листами фанеры. Люди, как нарочно, разбрелись по этажам.

Когда я вернулся от ящика с цементом, дождь разошелся вовсю. Впрочем, на куче алебастра поблескивал лист фанеры. А друг мой нашел убежище под толевым навесом, куда мы после смены сносили инвентарь. Он дал мне знак рукой, чтобы я переждал непогоду на месте. Надо было все же перебежать через двор, но меня остановил голос подсобницы Гали Онипко, неслышно подошедшей сбоку. Галя была едва ли не самой юной из группы выпускниц средней школы, пришедших на строительный объект после неудачи на экзаменах в институт. Она организовала здесь бригаду «красных косынок».

— Одноклассника встретили, Геннадий Петрович? — затягивая и без того крепкий узелок под подбородком, спросила Галя. Не дождавшись ответа, девушка сказала не без гордости: — А наш класс тоже был девятым «Б».

— Очень мило, — рассеянно отозвался я. — Очень хорошо. В каждой школе есть свой девятый «Б»!..

Девушка глубоко вздохнула и закусила губу.

Между тем дождь, попробовав свою молодую силу, обрушился на землю неистовым майским ливнем. Задорно рокоча и с сухим треском загоняя в землю ослепительные стрелы, над головами метался гром. Лист фанеры на куче алебастра гудел, будто железный. Из-под листа, пузырясь, растекались молочно-белые ручьи.

Отгороженный от гостя густой шторой дождя, я не переставал вглядываться в его лицо, оживленное улыбкой. Сквозь водянистую штору оно казалось мне свежим, без морщин, больше того: оно с каждой минутой чудодейственно прояснялось и молодело.

И вдруг... О счастье! Я чуть не вскрикнул, весь подавшись вперед. Пимка Яровой! Пимка!..

— Геннадий Петрович, — послышался опять сбоку голос Гали Онипко. — Товарищ Михайлов, а ваш класс был дружный?

— Наверное... Обычный класс. Такой же, как у вас, — наконец нашелся я, полагая, что этот ответ сгладит мою прежнюю небрежность.

— А вы часто собираетесь все вместе? — не унималась девушка. — Когда, например, в последний раз встречались?

Я ответил ей очень тихо:

— В сорок третьем... В последний раз...

— Извините, — сказала постаревшим голосом Галя. — Извините, товарищ Михайлов...

* * *

...А дождь все шел и шел, уводя меня в то далекое, невозвратное. Только это был уже не теплый майский проливень, пахнущий раскрытыми погребами, готовый прекратиться чуть ли не сразу, лишь над пузыристыми лужами прозвенит детская припевка: «Дождик, дождик, перестань...»

Шел холодный осенний дождь военной поры. Пространство между небом и землей затклало крупной водянистой пряжей. Сквозь жесткие струи можно было передвигаться не иначе, как опустив голову и разводя впереди себя руками.

А дождь все шел и шел. Под ногами уже не чувствовалось грязи. Все способное раствориться в воде и уплыть с водою растворилось и сдвинулось с места. Дорога там, где ее не залило, приобрела защитную твердость и уже не липла к ногам.

Мы шли уже второй час, еле поспевая за командиром. Шли через притихшие в неизбывной тоске прифронтовые села, по-хозяйски обходили шаткие мосты, старались не задеть плетней. Никто не спрашивал названия этих сел. Здешним жителям оставались безвестными наши имена...

Я никогда не думал, что первым сдастся железо. Выходные отверстия стволов на глазах у нас зацвели, косые срезы ствольной коробки стали покрываться ржавчиной. А мы все шли и шли, ссутулившись, боясь резко повернуть голову: намокшие ворсинки шинели ранили шею.

Иногда спереди долетал сухой голос ротного, капитана Катина: «Младших командиров в голову колонны!» Команду подхватывали в двух-трех местах добровольцы. И тогда я устремлялся вперед, хотя обогнать людей, втянувшихся в ходьбу по болоту, — дело не шуточное. Я был единственным политработником в роте, комсомольским секретарем. В «комиссара» меня перекрестил сам капитан Катин.

Капитан Катин обладал удивительной способностью чувствовать свою роту как единый организм. Один раз он вдруг, проглотив конец своей фразы о каком-то параграфе устава караульной службы, бросил мне через плечо:

— Что-то снова в девятом «Б»... Ну-ка, комиссар, выясни. Это, кажется, по твоей части...

Мне хотелось, чтобы капитан ошибся. С каким наслаждением я доложил бы ему: «Вам показалось, товарищ капитан. Поскользнулся боец. Только и всего...» Или что-нибудь в этом роде.

Но сейчас капитан оказался прав. Может, его за это и недолюбливает рота, что он никогда не ошибался сам и никому не прощал ошибок.

Девятый «Б» — это наш второй взвод. Строевому командиру там нечего делать. И стреляют, и отдают честь, и бросают гранаты они, как заправские вояки. Глядя на них, можно подумать, что они отродясь только и делали, что копали траншеи.

Им только по семнадцать. Сразу после экзаменов они всем классом записались в добровольцы. Дежурные по полку часто указывали нашему командиру взвода, что его подчиненные не помнят номера своего подразделения. На вопрос «Откуда?» отвечают: «Рядовой Сизов из девятого «Б». Впрочем, никого еще не наказали за такой ответ. Просто терпеливо разъясняли: забудьте о своем девятом «Б», вы солдаты.

Бойцы искренне обещали исправиться — и не исправлялись...

Их только девятнадцать во взводе, но чувствуют они себя так, будто их вдвое больше. Может, потому, что в комсомольском билете каждого — крохотная фотография оставшейся в Зауралье школьницы. Юные их подруги путаются в войсковых терминах не меньше самих бойцов: вместо индексов «А», «К», «М», обозначающих роту, после номера полевой почты любовно выводят на конвертах фиолетовыми чернилами: «Девятый «Б».

От таких писем веет партой и мелом — запах, который глубоко проникает в душу и сохраняется дольше самых дорогих духов на свете.

Все девушки — худенькие, толстощекие, с косичками, коротко остриженные — на карточках неизменно улыбались. В письмах они дружно называли вооруженных бойцов «мальчиками». Может, потому, что сами они первого сентября стали на целый год старше: пошли в десятый класс, а их отважные заступники ходят по дождливым полям Украины в звании рядовых из девятого «Б»...

В списках старшины личный состав этого взвода числится как получающий сахар вместо махорки. Поскольку в хозяйстве старшины чаще, чем сахар, водились леденцы, взвод по команде «Перекур!» достает из карманов дешевые конфеты...

Меня, как комиссара, перевели в этот взвод не случайно.

...Колонна выбиралась из лощины на косогор, когда я поравнялся с серединой роты.

Почему-то сразу я заметил бойца Киселева. Он был грязен с головы до ног и без оружия. Киселева вели под руки двое рослых девятиклассников, первый и второй номера станкового пулемета. Упасть на марше — немудреная штука. В ночных переходах можно запросто сыграть в кювет и досматривать там счастливые сны. Но упавший обычно бодрится и норовит скорее занять свое место в строю, чтобы избежать жестоких насмешек...

Над Киселевым никто не смеялся. Девятый «Б», похоже, скорбел над такой незадачей своего товарища. Только эти двое, что были рядом с Киселевым, и сам пострадавший улыбались.

— Чепуха, комиссар! — сказал первый номер Пимка Яровой с нарочитой бодростью. Он ловко вскинул на спину вещмешок Киселева. — Стоило ли по пустякам шум поднимать? Ска-

жи-ка лучше, когда там в небесном генеральном штабе дадут команду насчет дождика?..— невесело полюбопытствовал он.

У Пимки ковыльного цвета чубчик, белые, бесцветные брови и пушок над верхней губой белый-белый. Когда он задумчив, кожица на лбу собирается в тоненькую, еле заметную складочку.

Второй, здоровяк Осинин, шел с двумя автоматами за плечами и тащил тележку пулемета. Он тоже хотел сказать мне что-то веселое, но его опередил сам Киселев.

— Не вздумай докладывать командиру,— тревожно заговорил он, соскабливая ладонью грязь с плеча. Потом добавил с гордостью: — Девятый «Б» никогда не подводил роту, комиссар!

Он, вероятно, говорил бы еще, но лихорадочную речь его предательски оборвал кашель. Киселев кашлял часто, однако никогда не жаловался на простуду и сторонился врача, когда тот делал санитарный обход.

Он вообще не внушал мне доверия: на две недели он опоздал в запасный полк, в дороге потерял все документы, кроме комсомольского билета. Если бы не дружное заступничество взвода, ему, пожалуй, и не выписали бы красноармейской книжки без особой проверки, хотя в прифронтовой зоне случалось и такое: солдаты, отставшие от своих частей, могли влиться в любое подразделение, идущее на передовую...

Я не стал спорить с девятым «Б». Они наверняка все были бы не на моей стороне. Я молча подпрягся в пулеметную тележку, став между Киселевым и Осининым.

А дождь все шел.

Вскоре мы по еле заметным скользким тропинкам спустились в пологую балку, перерезавшую нам путь. По днищу балки весело гудел ручей. В мутной воде сверху тащился негодный скарб отнюдь не степного происхождения: банки из-под консервов, нестираные бинты, обгорелые снарядные ящики, жирная пакля. Игриво колыхаясь, проплыла полузатопленная немецкая каска с овощными очистками. Кто-то домовито обживал этот овраг, не отыскав себе на всей земле пристанища поуютнее. Сужаясь и раздаваясь, будто в угоду ручью, балка уходила вдаль. Как исполинская морщина, она придавала затуманенному полю скорбный вид.

— Здесь будем ждать приказа,— объяснил капитан Катин, когда ему доложили о наличии всех бойцов.— Вопросы есть?

Вопросов долго не находилось. Какие могут быть вопросы, если смысл нашего появления здесь был предельно ясен: роте надлежало приблизиться вслед за танками к окопам гитлеровцев и забросать их гранатами. Бегущего противника полагалось преследовать до полного уничтожения, щадя только раненых и пленных.

На тактических занятиях в запасном полку мы разыгрывали эту операцию до тех пор, пока не заслужили благодарности. Правда, никто из нас, кроме офицеров, в глаза не видывал живых немцев, и как они отнесутся к нашему появлению здесь, представляли себе смутно. У нас все же хватило воинской мудрости не беспокоить капитана лишними расспросами.

— Есть вопрос! — глухо прозвучало между тем из третьей шеренги. По кашлю я догадался о фамилии любопытного. — Как называется это село?..

Киселев взмахнул автоматом в сторону отдаленных домиков, тоскливо вжавшихся в землю за фронтовой чертой.

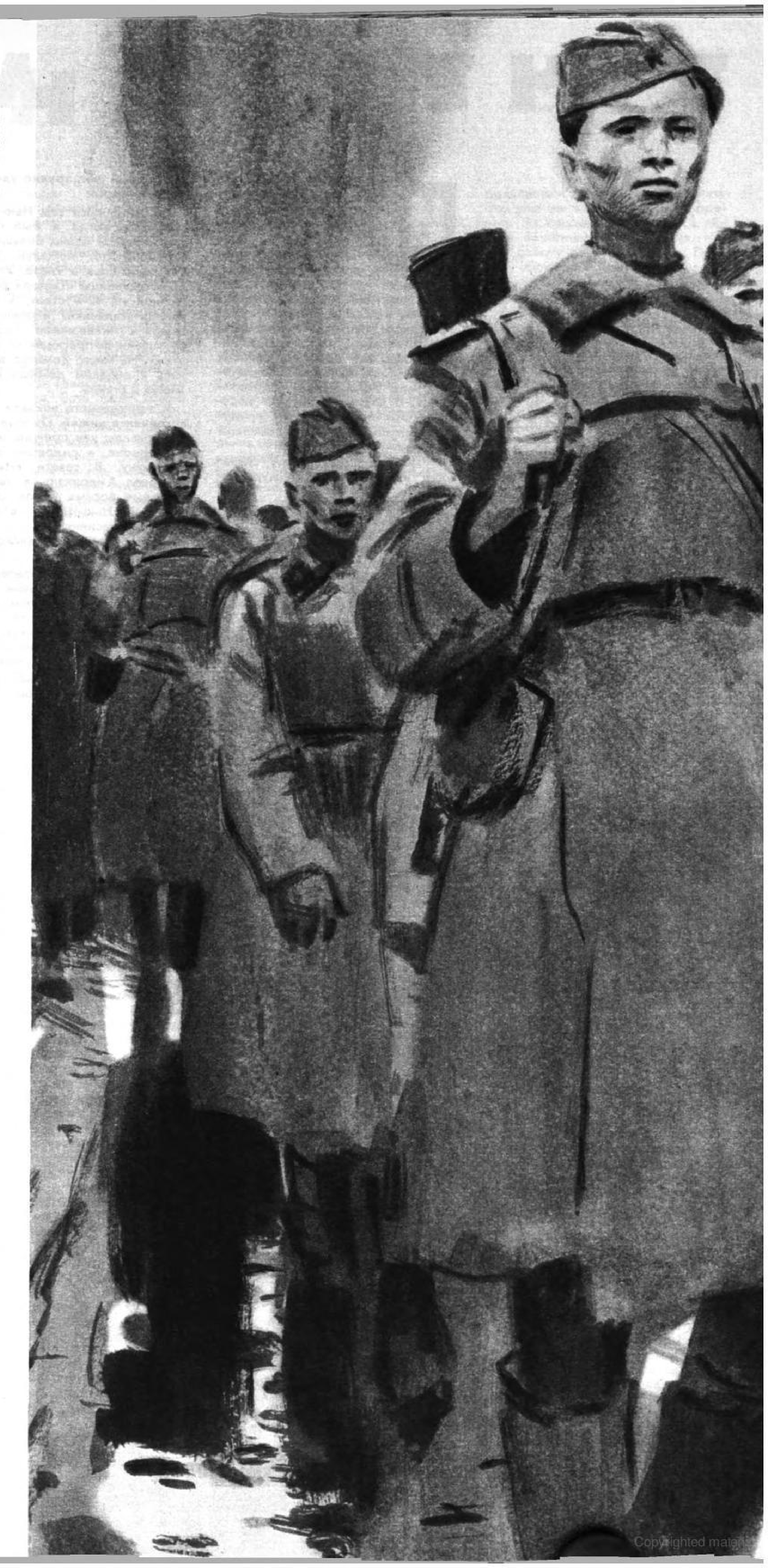
— Терпенье! — неожиданно проговорил капитан.

Бойцы недоуменно переглянулись. Капитан выхватил из планшета карту и подал ее правофланговому Воронцову.

— Населенный пункт Терпенье! — бойко уточнил Воронцов.

Бойцы улыбнулись. Улыбнулся и капитан. По-

«Б»

В ЧЕРТЕ МАНХ

Иммиграционный чиновник нью-йоркского аэропорта Айдлуайлд, увидев мой паспорт, достал толстую, похожую на библию книгу в синем переплете, быстро перелистал ее и, найдя какой-то загадочный пункт, выдал мне небольшой листок бумаги, на котором черным по белому было написано: «Специальное разрешение на въезд». А далее следовал короткий список улиц острова Манхэттен, по которым мне разрешалось передвигаться. В случае, если вы нарушите это предписание, предупреждал листок, будете высланы из Соединенных Штатов.

— Первый сувенир,— сказал один из моих друзей-журналистов.

В прошлые два приезда в этот город таких «сувениров» мне не вручали. В этот раз мне даже не удастся взглянуть на статую Свободы, которой исполнилось 75 лет. В «свободном мире» свобода оказалась за пределами дозволенного.

Свой первый репортаж с XVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН я вовсе не собирался начинать с въезда в город. Но, как вы заметили, к этому принудили меня обстоятельства. А сделав первый шаг, трудно удержаться от второго.

Как изменился сам Нью-Йорк с 1959 года, когда я был там последний раз? Стало больше небоскребов. Это, пожалуй, первое, что бросилось в глаза. Утром из окна гостиницы «Тюдор», расположенной на 42-й стрит, я уже не увидел маленьких кирпичных домиков с железными лесенками, бегущими по фасадам от этажа к этажу. На месте домиков взметнулись к облакам домища из алюминия и стекла.

У центрального вокзала мне повстречался нищий. Он уже не «зарабатывал», как прежде, играя на аккордеоне, а смиренно протягивал руку. В газете «Нью-Йорк джорнэл Америкэн» я прочитал: «Каждые восемь часов одна из женщин Нью-Йорка становится жертвой насилия». Со страницы смотрело на меня женское лицо, искаженное ужасом.

За завтраком в кафетерии познакомился с Дональдом Харингтоном, 63-летним служащим торговой фирмы. Узнав, что я из Советского Союза, он начал сыпать именами писателей — Толстой, Чехов, Тургенев, Достоевский.

— Раньше преподавал русскую литературу,— сказал он.

А когда я продолжил начатый Дональдом Харингтоном список писателей, он покачал головой:

— Современных писателей не знаю. Не спрашивайте. Знаю «спутник». Вы воевать не хотите? Нет? Я тоже. Мне Берлин не нужен. А сыну хватит Америки.

Прощаясь, посоветовал не посещать вечером «Парка Утренней звезды»:

— Мы его теперь зовем «Парком вечерних ужасов». С наступлением темноты там неуютно: грабят. Цивилизация идет на убыль.

— Если бы я даже захотел испытать судьбу, в этот парк мне ход запрещен.

Дональд Харингтон сделал удивленное лицо. Не поверил. Пришлось показать ему «вид на жительство». Его одутловатые щеки покраснели.

— Позор,— сказал он,— мне стыдно. Я же говорю, цивилизация идет на убыль.

Алан Шепард на сотню миль поднял небо Америки. Но воздух в Нью-Йорке не стал от этого чище: он по-прежнему «до вечера тяжек и душен». Все так же пестр и оживлен Бродвей. Не постарел за два года и гигантский

том он увел офицеров на рекогносцировку, скомандовав нам: «Можно курить, не сходя с места».

Но леденцы растаяли в карманах.

* * *

Ночью меня потревожили чьи-то руки. Я прикоснулся щекой к шершавому металлу гусеницы танка и тут же вспомнил гостеприимных людей в шлемах, которые для нас кинули брезент на машины.

— Славка умирает! — услышал я горячий шепот Ярового.

— Убили? А где взвод?

Под брезентом не было ни души.

— Не шуми, Гешка, а то как бы ротный нас не хватился... Славка сам по себе умирает. Больной он был всю дорогу...

Яровой прыгнул сапожищами в грязь на той стороне ручья и понесся по балке, не оглядываясь. Я кинулся следом. Мы бежали мимо землянок, мимо каких-то грузовиков. В темноте ярко блестела плоскость самолета, приспособленная для перехода через поток. Мы устремились по этой плоскости опять на «свою» сторону оврага и с ходу уткнулись в блиндаж...

Девятый «Б» оказался здесь целиком. Ребята сидели на земле, тесно прижавшись друг к другу. Юные лица их в свете единственной плошки были едва различимы и казались намного старше, суровее.

Молоденькая санитарка стояла на коленях перед распластанным посередине блиндажа Киселевым и укутывала ему ноги плащ-палаткой. Киселев лишь слабо улыбался.

— Ну вот, комиссар...— заговорил он.— Плоше и не выдумаешь. Не принимает война: не то опоздал, не то раньше срока явился.

— Бредит? — спросил я у санитарки, опускаясь рядом с ней.

— Правду сказывает! — по-северному нараспев возразила она.— Легкие по ниточкам разошлись. А сейчас — вон...— И она кивнула на большой ком ваты, от которого отщипывала по крохотному клочку, чтобы утереть больному окровавленные уголки рта.

Девушка была не старше любого из этих бойцов. Мне подумалось вдруг, что это совсем не настоящая медсестра, а одна из наших десятиклассниц, сошедшая с фотографии, как добрая фея. Я не удивился бы, если бы они оказались здесь все до одной.

— Не серчай на девятый «Б», комиссар,— снова заговорил Киселев. Слова ему давались с большим напряжением, но никто не осмелился остановить эту речь.— Это я сам во всем виноват. Если бы они не приняли меня во взвод, я воевал бы в одиночку... Не дотянул немного до победы. С самолета меня во время эвакуации фашист ударил, грудь пробил. Болезнь далеко зашла... Не хотелось мне просто так умирать, на больничной койке, от ровесников не мог я отстать... Ты не гляди, Михайлов, что земля меня притягивает сейчас! Я сильный, выше всех в школе прыгал, боксом занимался... Я злой... Ух, и дрался бы я с фрицами, если бы с глазу на глаз повстречаться в бою довелось...

Славка проглотил горький комок, передохнул и закончил вдруг просительно:

— Дайте мне автомат!.. Где мой автомат? Я хочу один идти в атаку...

Он зашевелился под плащ-палаткой, намереваясь встать. Но девушка легким касанием руки успокоила его. Одноклассники Славки еще ниже опустили головы. Кто-то всхлипнул в темноте.

Было что-то милое и вместе с тем обидное в том, что именно от посторонней девушки я услышал продолжение Славкиного рассказа о себе самом.

— Самовольщик он... Только по-хорошему,— заговорила медсестра, садясь у изголовья больного.— Врачи не пускали воевать-то... Говорят: лечиться надо, где потеплее да посытнее. А он взял и обманул всех... по-хорошему. Ему в Крым бы надо, в Мисхор, а Крым еще под немцем!

Девушка тихо сняла с колен еще не успевшие загрубеть руки и рывком приложила их к глазам.

— Славка хочет стрельнуть по немцу напоследок,— угрюмо проговорил за моей спиной Яровой.

И я сразу понял, зачем Яровой прибегал за мной. Отчаянным жестом я сорвал автомат с плеча.

— Давай, Славка! Жарь из моего. Мы тебя сейчас вынесем на бугорок, поближе к фрицам.

Бойцы ожили, задвигались. Медсестра уставилась на меня благодарными глазами.

Шумно вздохнув, как будто приходилось делать нелегкую работу, в углу поднялся рослый танкист. Под комбинезоном этого человека четко обозначались твердые командирские погоны.

— Не колготись, комсомолия! — рассудительно заявил он.— Ради такого дела я бы и на машину посадил вашего Славку, снаряд для него загнал бы в пушку и на передок подвез... Не время — вот какая штука. Молчать нам приказано, ждать команды. Одним словом — отставить! — закончил он.

Ребята загалдели. Я почувствовал себя посрамленным, кинулся вон из блиндажа.

...Катина удалось разыскать в штабном блиндаже. Он спал сидя, вытянув разутые ноги к маленькой железной печке, которая распространяла вокруг себя опьяняющее тепло.

Рассказ мой о Славке ротный выслушал только до половины.

— Мальчишки! Потешные стрелки Петра Великого,— ворчал он, натягивая сапоги.— С вами в лапту играть, а не боевое задание выполнять. ЧП... Ну скажи, ЧП это или нет?

— Нет,— мотнул головой я.

— Верно! — обрадовался Катин.— Сейчас я позвоню в санбат, чтобы пришли за Киселевым. Идет? Где же ваш взводный? Ах да, я его в офицерский патруль выделил... Ну и ну...

Я уговаривал капитана связаться с «четвертым». Для пущей убедительности я сказал, что

ЭТТЕНА

Борис **ИВАНОВ**,
специальный корреспондент
«Огонька»

курильщик из фанеры на Таймс-Сквер. Кольцо за кольцом пускает он дым сигареты «Кэмэл». К щитам, призывающим вновь голосовать за Вагнера, нынешнего мэра Нью-Йорка, прибавились щиты с другим призывом: «Нью-Йорк нуждается в хорошем руководстве. Голосуйте за Левковица».

На несколько десятков стало больше флагов у подъезда здания Организации Объединенных Наций. Теперь их сто. До сих пор нет флага Китайской Народной Республики. Доколе? Все чаще и чаще раздается этот вопрос с трибуны XVI сессии Генеральной Ассамблеи. Великий Китай неизбежно займет свое законное место в ООН. Теперь это уже понимают даже те, кто на протяжении многих лет всеми средствами мешает ему сделать это. Вопрос включен в повестку дня сессии, но противники восстановления законных прав КНР маневрируют, ищут коварные ходы, чтобы сохранить чанкайшиста. Показательно в этом отношении предложение делегата Новой Зеландии. Речь идет о «двух Китаях».

Но где он, второй? Есть Тайвань — оккупированная территория.

У самой ложи прессы главного зала Генеральной Ассамблеи кресло делегации Сьерра-Леоне. В этом году бывшая английская колония получила независимость и стала членом ООН. Но сколько ни ищите, не увидите в зале табличек с названиями таких стран, как Алжир, Ангола, Кения, Уганда, Родезия, Ньясаленд. В этих странах продолжается освободительная борьба, льется кровь. Желанный час свободы уже близок. Ускорить его приход — вот чем озабочено сейчас человечество. Но, как говорится, в семье не без урода. Есть еще правительства, которые всячески препятствуют осуществлению декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятой год назад Генеральной Ассамблеей по инициативе Советского Союза. Отдалить срок освобождения — для них главная забота.

В своем выступлении на сессии министр иностранных дел СССР А. Громыко предложил установить срок окончательной и повсеместной ликвидации колониальных порядков. Он поддержал высказывавшееся на конференции неприсоединившихся стран требование о том, чтобы таким сроком стал год 1962-й. Что, кроме одобрения, может вызвать у честных людей это предложение?

Колонизаторы в конце концов тоже люди. Они никак не хотят причислять себя к иному племени. Срок так срок. Но, позвольте, какой? Торопливость не всегда полезна. И из рук делегации Нигерии, представителей страны, у которой еще свежи раны от бича рабовладельца, выходит документ, предлагающий отдалить срок до 1970 года.

Перефразируя известное изречение, можно сказать: неисповедимы пути колонизаторов.

Что же еще нового в ООН? Казалось бы, основные вопросы остались старые: разоружение, ликвидация колониализма, представительство единого народного Китая. Путь к их окончательному решению, видимо, еще долог. Но он мог бы быть значительно короче, не будь упорного сопротивления определенных кругов. И все же можно уловить новые нотки в работе XVI сессии. Стало больше делового духа. Правда, число решенных дел от этого особенно не увеличилось. В выступлениях делегатов на общей дискуссии важное место занимает германская проблема. По-разному она трактуется с трибуны сессии. Но характерно одно: теперь говорят уже о двух германских государствах. Существование ГДР стало непреложным фактом. И замолчать его уже не в силах ни один оратор. На сессии продолжается общая политическая дискуссия. Начал работу первый комитет. Пока он обсуждает организационные вопросы. Впереди работы — непочатый край.

В Нью-Йорке сейчас вечер. Шум от этого меньше не стал. По телевидению передают репортаж из индивидуального атомного убежища. Тесная бетонная конура, как на продуктовом складе, заставлена консервными банками. Бочка с водой. Запасов хватит на продолжительный срок. В углу винтовка. «А зачем здесь оружие?» — спрашивает диктор. «Как зачем? Для того,— отвечает хозяин убежища,— чтобы дать отпор соседям, не позаботившимся о собственном укрытии».

Был и еще вопрос диктора, но я переключил телевизор на другую программу. Передавали эстрадный концерт, как здесь называют, «шоу». Оркестр исполнил вальс, а затем миловидная блондинка спела песенку о верности и любви.

Нью-Йорк.

7 октября 1961 года.

танкист готов немедленно дать Славке пальнуть из орудия, будь на то согласие старших. За цифрой «четвертый» скрывался командир полка Громов. Выше Громова я даже не представлял себе наших начальников. Все в этом полузатопленном степном овраге принадлежало ему.

Ротный отмахнулся от моих слов, думая о чем-то своем. Потом он стал с остервенением накручивать ручку полевого телефона. Переругиваясь со связистами, он искал врача. Для меня это казалось несбыточным — отыскать нужного человека во тьме, перемешанной с дождем. Но то ли ротный проявил настоящее усердие, то ли связист спросонья подсоединил штаб дивизии, то ли беспокойный генерал делал обход частей и раньше других подошел к телефону в каком-то полевом блиндаже,— в трубке приветливо зарокотал мягкий басок:

— Первый слушает... Что там у вас?..

Катин, кажется, выронил трубку. Когда она очутилась в моей руке, командир роты заслонился от трубки растопыренными пальцами, прошептав: «Валяй сам, обо всем на свете... Ниже солдата не разжалуют... Говори, что с разрешения командира...»

Я уже знал, что разговор с войсковым начальством следует начинать со своей фамилии и звания. Но потом, чем больше я спешил, тем путанее называл номера полка, батальона, взвода. Выручил понятливый собеседник.

— Так и сказал бы, что из девятого «Б»,— совсем не строго поучил он.— Знаю... Все на свете про вас знаю, орлята. Только вот о Славке-то — ни в зуб ногой... Потише, потише, рядовой Михайлов, дай одуматься... Так... Так...

Трубка уже не «такала» и даже не «гмыкала», а просто потрескивала, как испорченное радио.

— Все понял,— зарокотал опять басок «первого».— Если бы не письмо из дому, может, чего и не уразумел бы... Сынок у меня в одних годах с вами, Юра... На фронт рвется... Молодцы! Геройское племя! Ты можешь передать своим товарищам из девятого «Б»: врача уже послал к Киселеву. А вот насчет стрельбы сейчас не получится. Это тоже передай. И пусть не обижаются сынки. Все могу: на боевые машины всех вас до одного посажу, когда время подоспеет. Орудийный залп велю по всему участку дать за Славку, если не пересилит он хворобу. А сейчас не могу. Взыщу за самовольный выстрел... Вот как бывает на войне... Терпение, сынок, терпение...

Мы с капитаном ворвались в блиндаж, но нас словно и не заметили. Ни в одном классе на земле, ни на одном уроке никогда не было так тихо. Мы с капитаном и не подумали нарушить эту скорбную тишину. Мы сняли головные уборы и замерли на месте. Вошел врач и тоже постоял рядом с нами несколько минут, не сказав ни слова...

Потом откуда-то явился взводный и развел нас по шесть-семь человек к танкам.

Мы очень долго ждали рассвета под дождем. И когда уже совсем привыкли к такому состоянию, ночная темь, изредка прошиваемая белыми нитками трассирующих пуль, стала еще более сгущаться. Затканное дождем небо почернело, словно шахтное подземелье. Мы перестали видеть друг друга. Мы слышали только учащенный стук сердец, наполненных большим ожиданием, и удары свинцово-тяжелых капель дождя о броню. Железо тихо стонало под этими каплями.

Но вот степная балка внезапно ожила, как пробудившееся чудовище. Заворошились, забегали люди, с приглушенным гудом танки стали пятиться из земляного укрытия, вскидывая стволы. Над башней нашей машины заколыхался блестящий штырек рации.

Опережая команду, мы кинулись на танк, прикипая к скользкому железу, нащупывая деревенеющими пальцами выступы, чтобы можно было удержаться на бешеной скорости.

И вот наступил рассвет. Он был самым диковинным и ярким из всех виденных нами рассветов на родной земле. Чья-то могучая рука с грохотом раздвинула черный полог ночи, застилавший нам путь вперед. Тьма завыла на все лады, засвистела, и в этом смертоносном разговоре темноты со светом скороговоркой зазвучало: «Третья рота!..», «Первый взвод!..», «Четвертый батальон!..».

Между двумя соседними машинами, тихо вздрагивающими от сдержанной ярости моторов, раздался голос нашего взводного, мстительный и тревожный:

— Девятый «Б»! Приготовиться к атаке!..

А сверху падали частые тяжелые капли.

Л. ЛАГИН

Мне удалось при обстоятельствах, о которых пока еще рано рассказывать, раздобыть почти полный комплект журнала «Огонек» за 1981—2000 годы. Надеюсь опубликовать из него ряд материалов, которые представят интерес для нынешних его читателей. Первым я предлагаю их вниманию обнаруженное мною в одном из октябрьских номеров этого драгоценного комплекта письмо в редакцию слесаря механико-ремонтных мастерских одного из небольших агрогородков Тамбовской области Петра Андреевича Семыкина. Письмо сопровождено примечанием редакции о том, что его автор научился грамоте только после Октября семнадцатого года, в рядах Красной гвардии, и что публикуется оно без редакторской правки.

Дорогой товарищ редактор!

Я еще не старый человек. Две недели тому назад мне пошел восемьдесят пятый год. Я — слесарь и конструктор механико-ремонтных мастерских, готовлю кадры, беседую с детворой о тех далеких днях, когда я еще работал трактористом в небольшом тамбовском колхозе, и чувствую себя полноценным тружеником коммунистического общества. С тех пор, как в нашей Егоровке открылся филиал Института борьбы со старостью, таких, как я, бывших стариков, в нашем агрогородке больше двух тысяч ста человек. Чувствую я себя отлично и надеюсь черкнуть письмецо в юбилейный номер «Огонька», посвященный семидесятипятилетию Великой Октябрьской социалистической революции. Но так как филиалы Института борьбы со старостью густо рассыпаны сейчас по всей стране, то Егоровке не приходится хвастать высоким процентом граждан старше восьмидесяти пяти лет. Дело обычное. Да и вообще Егоровка ничем особенным не выделяется из многих десятков тысяч населенных пунктов. Дома со всеми удобствами? Всюду дома со всеми удобствами. Отличное шоссе? Всюду отличные шоссе. Музей? У нас действительно совсем неплохой музей (я как раз по совместительству его директор). И это давно уже не редкость в нашей стране. Правда, Егоровский самодеятельный театр дважды за последние девять лет выступал (и с немалым успехом) в Москве, в Кремлевском театре, но и самодеятельных театров в стране нашей не одна тысяча. И ученых, инженеров, писателей и прочих деятелей искусства Егоровка на круг дала не больше, чем многие и многие другие населенные пункты. Словом, город как город. От других не отстаем, но и ничем особенным не выделяемся.

И вдруг, представьте себе, какая неприятность: появились в нашем агрогородке единоличники! Это на шестьдесят четвертом году Октября! Правда, немного — два человека. Супруги Дуголуковы, Николай Егорович и Антонина Ивановна. Кадровые колхозники! Бывшие комсомольцы чуть ли не с самого основания комсомола!

Были люди как люди. Трудились на совесть. Жили неплохо. Два сына — инженеры, дочь Антонина Николаевна — бывшая колхозная доярка, теперь — преподавательница английской литературы, профессор, три книги написала; два внука — лучшие механизаторы нашей Егоровки. И вдруг, когда уже все стали выдавать по потребностям, приходят эти старики Дуголуковы.

«Раз все по потребностям,— говорят,— давайте нам в личное пользование приусадебный участок (от них уже лет пятнадцать как все отказались в Егоровке), корову, двух лошадей, поросят, овечек, поскольку у нас возникла потребность обзавестись собственным, индивидуальным хозяйством».

Уже и соседи их отговаривали, и дети приехали, в ногах у своих стариков валялись, от сраму глаза на улицу казать боялись, да так ни с чем и уехали восвояси.

Уперлись старики, что те быки: желаем и все! Имеем такую потребность, общество от нашей потребности не обеднеет. Значит, удовлетворяйте!

Мы к председателю: «Не иди, Иван Петрович, навстречу этой вспышке собственнических настроений, не срами Егоровку!»

А Иван Петрович только руками разводит: «Ничего не могу поделать. Не имею права не удовлетворять, раз всем полагается по потребностям»...

Удовлетворил.

Обзавелись Дуголуковы на старости лет индивидуальным огородом, коровником, конюшней, свинарником, день и ночь возятся со своим рогатым и безрогим скотом. Где только можно, раздобыли висячих и дверных замков, все у них на запоре. Во дворе будка, в будке собака Бобик. На огороде другая собака — Трезор. В комнатах сундуки, в сундуках — мануфактура. Набрали себе — благо бесплатно! — костюмов, шуб, плащей и платьев невпроворот. Принесут домой — и в сундук, под замок. А ходят в самой что ни на есть затрапезной одежонке.

Оно, конечно, товаров на всех хватает, а все же как-то неловко и перед гражданами из соседних населенных пунктов совсем неудобно.

Подсылали к Дуголуковым доктора-психиатра. Осмотрел он их, потолковал с ними и вывел диагноз: «Спазматический собственит». Такая, говорит, наблюдается довольно редкая болезнь переходного периода. Если в тяжелой форме, то довольно трудно поддается излечению; в данном, говорит, случае — случай довольно тяжелый.

Видим, дело почти безнадежное. Но, с другой стороны, сумасшествие у них не буйное, на людей не кидаются. Пускай живут как хотят.

И вдруг приходят они вчера к председателю, зовут его в гости. Удивился Иван Петрович, но пошел. Зачем, думает, связываться с не совсем нормальными людьми? Лучше, думает, я пойду. Вряд ли они на меня будут кидаться, поскольку они знают меня с самого детства. А я воспользуюсь моментом, снова потолкую с ними. Может быть, хоть в этот раз удастся убедить их не позорить свою старость частнособственнической деятельностью.

Приходит. Старуха угощает Ивана Петровича довольно невкусной пищей собственного изготовления (они и столовой общественной не пользовались). Иван Петрович ест и виду не подает, что невкусно. А сам свое думает: как бы ему похитрее перейти к разговору?

И вдруг подымается Николай Егорович и странно так ухмыляется.

«Ну вот! — думает Иван Петрович и, хотя не трусливого десятка, бледнеет, поскольку у него нет достаточного опыта в обращении с сумасшедшими.— Сейчас,— думает,— начнется у Николая Егоровича приступ болезни, и, возможно, потребуется применить силу к старику, который меня чуть ли не на руках в детстве носил».

А тем временем и Антонина Ивановна тоже в высшей степени странно заулыбалась и тоже поднимается из-за стола, а в руках у нее нож: она хлеб нарезала для второго блюда.

«Срам-то какой! — думает тем временем Иван Петрович и понемножечку пятится к окошку.— Со стариками драться! Поножовщина в Егоровке! Впервые за последние десятилетия!!!»

Николай Егорович видит, что не на шутку испугался Иван Петрович, и еще больше заухмылялся:

— У нас к тебе, председатель, покорнейшая просьба.

— Пожалуйста,— говорит Иван Петрович, а сам окошко открывает, прицеливается, как бы в случае чего выскочить. Думает: сейчас старики будут еще чего-нибудь требовать для их индивидуального хозяйства.— Коровы вам требуются или что другое?

— Помоги нам, Иван Петрович, вывеску повесить.

В недалеком будущем

Все по-старому...

— В созвездии Рыб я вот такого пескаря поймал. А в созвездии Рака все хорошо, но пива не продают.

Рисунок **Е. Горохова.**

— Так трудно рисовать Землю: все она вертится...

Рисунок **В. Воеводина.**

— Как там матч-реванш?
— Отложили с лишней пешкой у Ботвинника.

Рисунок **В. Воеводина.**

Рисунок Е. Ведерникова.

Тут наш председатель даже рот раскрыл от удивления.

— Какую такую,— спрашивает,— вывеску?

— А это ты сейчас увидишь. Она у меня во дворе возле бобиковой будки прислонена.

Делать нечего, пошел Иван Петрович со стариками к бобиковой будке. Видит: верно, прислонена к ней длиннющая вывеска. Повернул Николай Егорович вывеску...

Иван Петрович говорит, что прямо ошалел от радости, когда разобрался в каракулях, изображенных на той вывеске. Скажем прямо, маляр из Николая Егоровича получился бы никудышный, но разобрать все же можно было. А было на ней написано:

«ДОМ-МУЗЕЙ ЕДИНОЛИЧНОГО КРЕСТЬЯНИНА»

Ведь подумать только, что за люди эти старики Дуголуковы! Рядились они, гадали, какую им службу обществу сослужить, и решили создать этакий удивительнейший и полезнейший музей. Ради этого и на позор пошли и с детьми своими чуть ли не навеки поссорились. Хотели, говорят, чтобы получилось все, как когда-то мечтал середняк-единоличник.

Конечно, можно было бы организовать этот музей другим порядком. Но такие уж они, эти старики Дуголуковы. Ты их хлебом не корми, а дай им возможность кого-нибудь разыграть. Это у них с самых молодых, комсомольских лет.

Так что теперь у нас в Егоровке уже два музея.

С коммунистическим приветом

П. Семыкин.

P. S. Я думаю, пока еще живут люди, хорошо помнящие далекие досоциалистические годы, стоило бы оборудовать такие музеи крестьянина-единоличника и в других населенных пунктах. А если почему-либо это дело задержится, милости просим к нам в Егоровку. Заявки посылать по адресу: Егоровка, Тамбовской области, директору «Дома-музея единоличного крестьянина» Николаю Егоровичу Дуголукову или Антонине Ивановне Дуголуковой. Они оба директора. А насчет ночевки не беспокойтесь. Можно в гостинице, можно и в домах у наших граждан. Места хватит. Питание отличное. Неудобно, конечно, хвалить свою жену, но директор ресторана из нее получился совсем неплохой. Так что милости просим!

Егоровка, 18 октября 19... года.

Не сошлись во вкусах.

Рисунок Ю. Андреева.

Опровергатель

М. СЕМЕНОВ,
главный редактор журнала «Крокодил»

Рисунок Ю. Черепанова.

Стоял чудесный, солнечный день, когда в мою комнату заглянула девушка-секретарь, сообщила:

— Пришел опровергатель.

Я тяжело вздохнул и сказал:

— Просите.

Да, это был типичный опровергатель: сбитый на сторону галстук, всклокоченные волосы, горящие гневом глаза. В руках он сжимал последний номер журнала.

Развернув журнал и ткнув пальцем в мой фельетон, опровергатель хрипло спросил:

— Это вы писали?

Отпираться было бесполезно.

— Как вам не стыдно!

И тут я почувствовал, как краска смущения заливает мое лицо. Неужели я что-то напутал, неужели возвел какую-то напраслину на этого человека? Ведь перед тем, как сесть писать фельетон, я тщательно проверил каждый факт, собрал все необходимые документы... На всякий случай я решил перейти от обороны к нападению.

— Присаживайтесь, товарищ,— сказал я опровергателю как можно мягче.— Не знаю, чем вызван ваш гнев, но надеюсь, вы не будете отрицать, что в прошлое воскресенье, находясь на стадионе, толкнули гражданку Н. и даже не извинились.

— Ложь, дело было совсем не так!

— Ага, значит, и в кино «Прогресс» вы не нагрубили билетерше Тане?

— Выдумка! Вы все переврали!

— И сотрудницы учреждения, в котором вы работаете, не плачут от ваших вечных придирок и колкостей?

— Подтасовка фактов, недостойная советского журналиста!

— Значит, по-вашему, выходит, что передо мной невинный агнец? Это вы хотите доказать?

Опровергатель еще раз нервно смял журнал и разразился следующей тирадой:

— Нет, я хочу доказать другое! Я хочу, чтобы вы поняли одну простую истину: право осуждать проступки отдельных граждан с высоких моральных позиций принадлежит не только вам, журналистам, но и им самим — людям заблуждающимся и совершающим ошибки. На каком основании вы полагаете, что забота о росте коммунистической сознательности — это исключительно ваша привилегия?

Я ничего не понял и недоуменно пожал плечами.

— Не понимаете? А как же тогда расценить вашу попытку приукрасить и облагородить факты в этом злосчастном фельетоне? Вы утверждаете, что я не извинился перед гражданкой Н. Если бы это было так! Но ведь я еще обозвал хамом ее спутника, который высказал замечание в мой адрес. А случай в кинотеатре «Прогресс»! Как можно было представить его на страницах печати в таком искаженном виде! Ведь я не нагрубил билетерше этого кинотеатра, а оскорбил ее. И она вовсе не Таня, а Татьяна Павловна, ей под пятьдесят, она мне в матери годится... Упомянули вы в фельетоне и о сотрудницах нашего учреждения. Но почему только о них? Вы же великолепно знали, что от моего несносного характера страдают не только они, а и сотрудники, мои товарищи по работе. Зачем же вам понадобилось смягчать факты? После вашего фельетона мне стыдно глядеть в глаза людям. Выходит, что вы выгораживаете меня с моего же ведома и согласия? Но разве я просил вас об этом? Почему же вы не высказали всю правду обо мне, какой бы неприятной она ни была? Чему может научить меня и других такая половинчатая критика? Стыдно так поступать, товарищ фельетонист! Я буду жаловаться на вас!

Опровергатель встал и, сердито хлопнув дверью, ушел.

. . . .

Дело происходило в 19... году.

Залог бессмертия

Леонид ЛЕНЧ

Сохранится ли сатира в будущем?

Не только сохранится, а расцветет пышным цветом!

Материальная база коммунистического общества будет уже построена, а процесс преодоления пережитков прошлого будет продолжаться.

Конечно, с течением времени изменятся объекты сатиры. Я, например, убежден в том, что первыми из сатирической тележки выпадут всяческие жулики и расхитители, ибо при изобилии материальных благ тащить к себе в норку лишний кусочек общественного пирога станет занятием бессмысленным. Я не могу гарантировать тихую жизнь при коммунизме и грубиянам, матерщинникам, людям, варварски относящимся к природе, негуманно обращающимся с животными, и прочим, и прочим. Грядущие сатирики будут травить их весело и беспощадно. Возможно даже, что в состав товарищеских общественных судов при домах-коммунах, на заводах, на фабриках, в учреждениях будут включать сатириков-поэтов и фельетонистов, и общественное осуждение нарушителей нравственных законов коммунизма будет носить форму звонкой эпиграммы или остроумного фельетона.

Не будем заглядывать слишком далеко. Отметим лишь, что жажда постоянного нравственного совершенствования лежит в самой природе человека, и это является залогом бессмертия сатиры.

В недалеком будущем

Весь в прадедушку.

Рисунок Ю. Черепанова.

А там посмотрим...

Сергей МИХАЛКОВ

Почему всех так начали беспокоить роль и значение сатиры в будущем? Лично меня волнует вопрос сатиры в настоящем. Впереди двадцать лет напряженного творческого труда, которому наверняка будут мешать те, кто всегда мешает всему новому.

Я не знаю, какой будет сатира через двадцать лет. Мне кажется, что нет пока нужды заглядывать в этой области так далеко вперед.

Можно, конечно, фантазировать, но лучше, засучив рукава и взяв в руки метлу, работать по очистке большой советской улицы.

А там посмотрим...

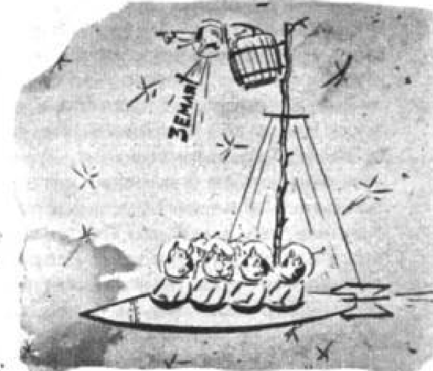
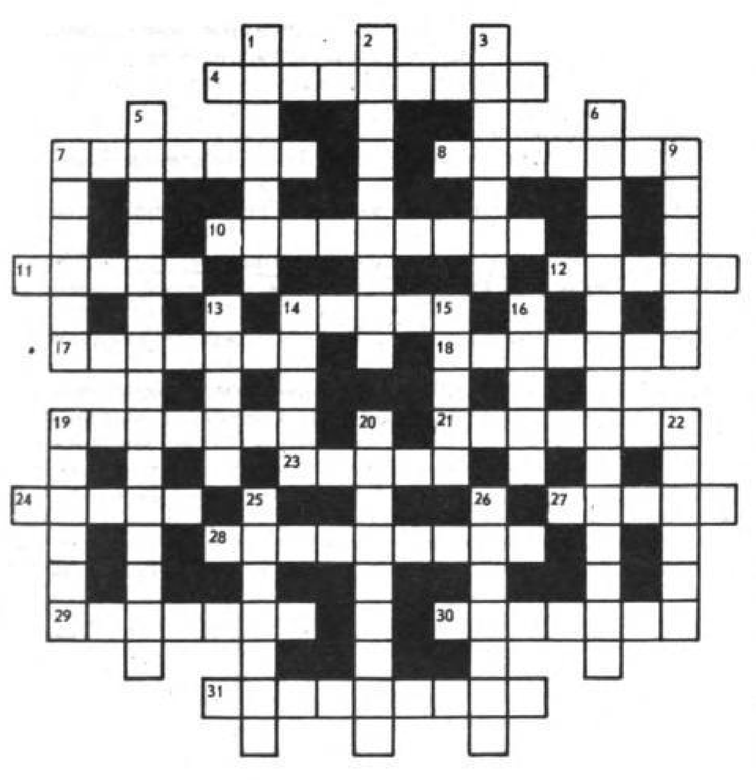

Рисунок В. Воеводина.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Советский химик. 7. Знойный ветер в Южной Европе. 8. Органическое удобрение. 10. Русский писатель XIX века. 11. Единица веса. 12. Молочный продукт. 14. Графическая форма букв. 17. Горный массив на Кавказе. 18. Душистая вишня. 19. Морская промысловая рыба. 21. Опера П. И. Чайковского. 23. Обожженная огнеупорная глина. 24. Прием игры в теннис. 27. Хлопчатобумажная ткань. 28. Ускоритель заряженных частиц. 29. Инструмент скульптора. 30. Персонаж из весенней сказки А. Н. Островского «Снегурочка». 31. Устройство для ослабления шума.

По вертикали:

1. Коренное население одной из автономных советских республик. 2. Химический элемент. 3. Белая минеральная краска. 5. Город в Донбассе. 6. Почтовая переписка. 7. Роман Л. Фейхтвангера. 9. Украинский поэт. 13. Заключение, конец. 14. Временное жилище. 15. Древнеримский историк. 16. Способ летосчисления. 19. Река в Новосибирской области. 20. Арифметическое действие. 22. Спутник планеты Уран. 25. Чертежный и измерительный инструмент. 26. Крупная обезьяна.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 41

По горизонтали:

5. Радиокомпас. 10. Васкунчак. 11. Гладиолус. 13. Уран. 14. Калитва. 15. Омар. 18. Папаха. 20. Покос. 22. Ретушь. 24. Радимичи. 25. Обоняние. 27. Протон. 30. Вишня. 31. Гавана. 34. Золя. 35. Стручок. 38. Утро. 41. Копнитель. 42. Кедровник. 43. «Неизвестная».

По вертикали:

1. Фаянс. 2. Гитара. 3. Хмелев. 4. Нанду. 6. Палуба. 7. Октава. 8. Формат. 9. Кудряш. 12. Читка. 16. Таймень. 17. Тренога. 19. Пиано. 20. Пачев. 21. Сабля. 23. Улица. 26. Ушкуй. 28. «Разлом». 29. Тюлень. 32. «Влтава». 33. Неодим. 36. Тулуза. 37. Одетта. 39. Отвес. 40. Аркан.

За ненадобностью в металлолом.

Рисунок Ю. Черепанова.

На первой странице обложки: Фотокомпозиция И. Тункеля. * На второй странице обложки: Плакат Н. Ватолиной (ИЗОГИЗ).

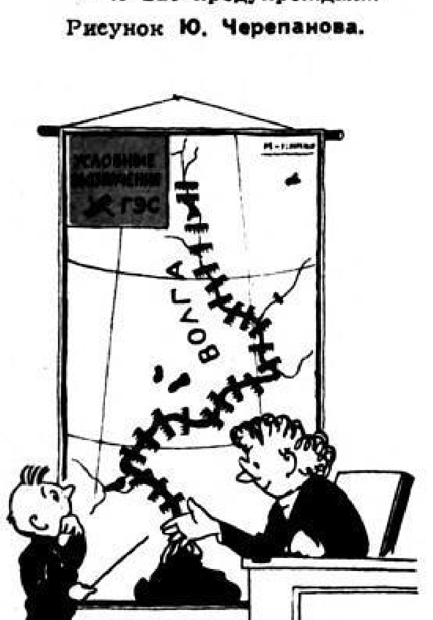
На последней странице обложки: В этом новом здании в Московском Кремле будет работать XXII съезд КПСС.

Фото Я. Рюмкина.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

— Я вас предупреждал...
Рисунок **Ю. Черепанова.**

Трудный вопрос.

— Перечисли мне гидростанции на Волге...
Рисунок **М. Ушаца.**

Редчайший экземпляр.
Рисунок **М. Ушаца.**

Зависть.

Рисунок **Р. Овивяна.**

В мире невесомости.

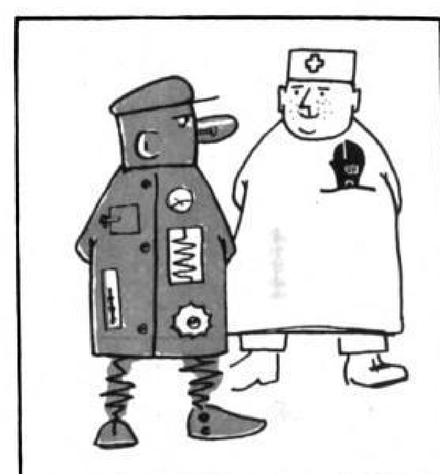
Рассеянный киномеханик.

Рисунок **Ю. Черепанова.**

В бане.

— У всех квартиры с ваннами. Приходится чем-то завлекать к себе клиентов...
Рисунок **В. Воеводина.**

— Раздевайтесь!
Рисунок **В. Дрогалина.**

Двадцать лет спустя...

— В жанре кинокомедии мы имеем такие серьезные достижения, как «Волга-Волга», «Веселые ребята», «Карнавальная ночь»...
Рисунок **В. Воеводина.**

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05287. Подписано к печати 11/X 1961 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 1226. Заказ № 2493.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.